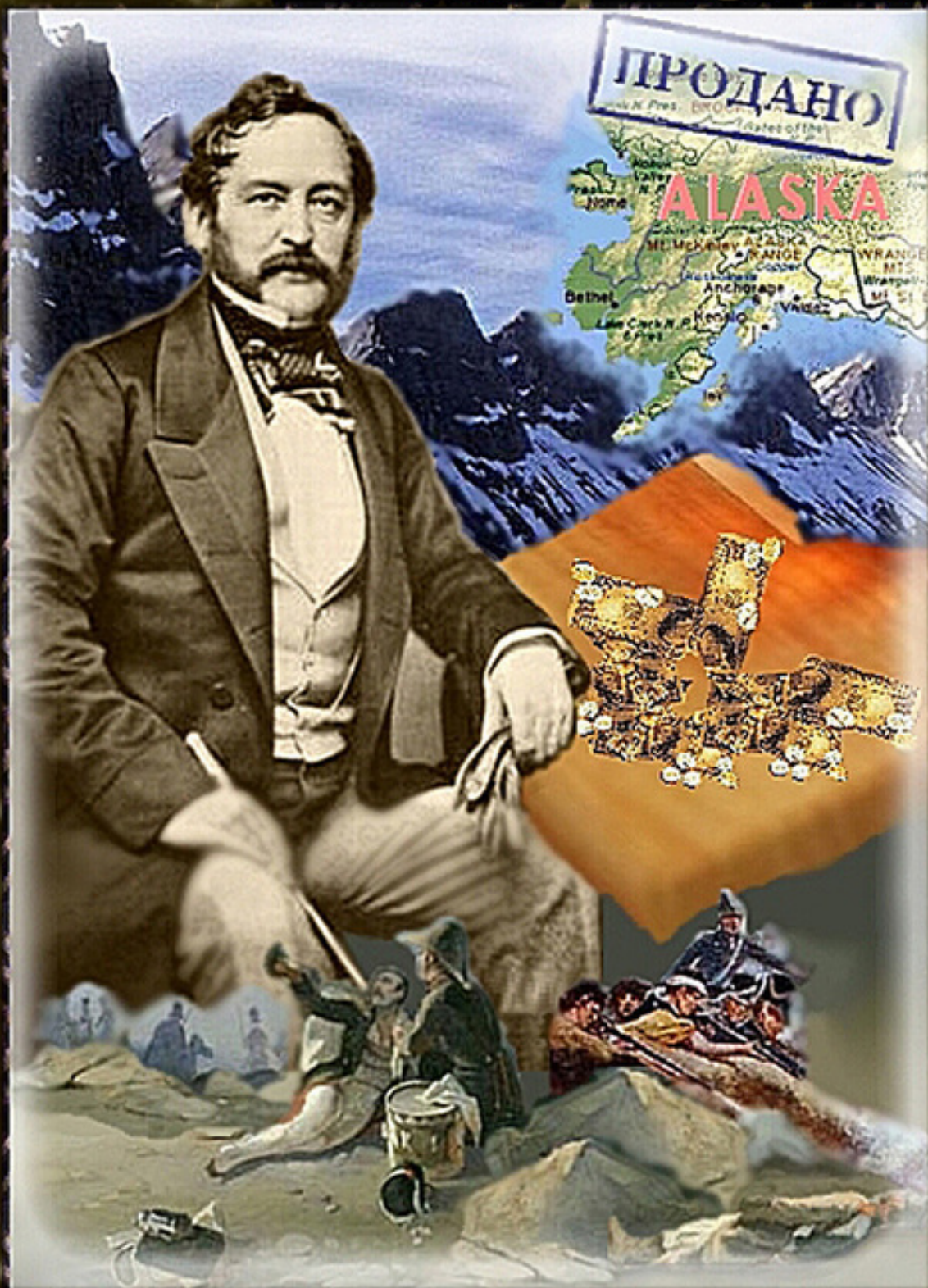

Вадим ВОЛОБУЕВ

АГЕНТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

@ЭЛИТА

16+

Вадим Волобуев

Агент его Величества

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Волобуев В.

Агент его Величества / В. Волобуев — Электронное издательство "Аэлита", 2013

1863 год: в Европе военная тревога. Западные державы требуют от России прекратить боевые действия против польских повстанцев, угрожая начать интервенцию. Император Александр II решает передислоцировать российские эскадры в североамериканские порты, дабы оттуда бить по коммуникациям англичан и французов. Но США тоже объяты войной: Юг сражается против Севера. Американские политики погрязли в интригах и коррупции, и российские моряки для них – лишь разменная монета в собственных расчётах. Разобраться в этом хитросплетении высоких интересов и тёмных дел предстоит чиновнику по особым поручениям при Министерстве иностранных дел Семёну Родионовичу Костенко. Впереди его ждёт борьба с недругами России, политическими проходимцами и мошенниками из собственного ведомства. Чья возьмёт? Об этом и многом другом повествует роман «Агент его Величества».

© Волобуев В., 2013
© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вадим Волобуев

Агент его величества

Глава первая

На двух берегах

Контр-адмирал Степан Степанович Лесовский обвёл всех тяжёлым взглядом, пошевелил густыми белесыми усами и промолвил:

– Господа! Как вам известно, Североамериканские Соединённые Штаты в настоящий момент ведут борьбу с мятежниками. Нам, представителям императорского флота, предписано оказывать всяческую моральную поддержку местному правительству, избегая при этом вовлечения в открытый конфликт с силами бунтовщиков и европейскими державами. Поскольку город Нью-Йорк наводнён моряками иностранных флотилий, в том числе тех, которые в скором времени могут оказаться врагами Его императорского величества, я приказываю всем соблюдать величайшую осторожность в словах и поступках, и следить, дабы суда не посещались разного рода случайными личностями. – Контр-адмирал выдержал многозначительную паузу. – Местный градоначальник изъявил желание навестить нас с дружеским визитом. Его посещение будет сопровождаться наплывом многочисленных официальных лиц и журналистов, и мы должны, что называется, показать товар лицом. Посему приказываю: палубы надраить, суда, поелику возможно, привести в порядок, командам почиститься, господам офицерам быть в парадной форме. Образцового содержания от вас не требую, понимаю, что только что из похода, но и позориться перед иностранцами нам ни к чему. Российский императорский флот должен внушать чувство уважения к стране, его пославшей, и глубочайшее почтение к августейшему имени. – Лесовский опять помедлил. – Пока все свободны. Кроме вас, Семён Родионович. Хочу поговорить касательно вашей миссии.

Офицеры потянулись к выходу из кают-компания. Никто не проронил ни слова, все переваривали короткую речь командующего. Сидевший в заднем ряду штатский – подтянутый короткостриженный человек средних лет, в чиновничьих рейтузах и облегающей бежевой рубашке, подвязанной у воротника синим платком, проводил глазами выходящих и положил ногу на ногу, скрестив на колене костистые пальцы.

– Как я понимаю, – обратился к нему Лесовский, – перед отъездом в Сан-Франциско вы намерены встретиться с нашим посланником.

– Совершенно верно, Степан Степанович, – ответил тот.

– И речь, я полагаю, будет вестись о планах совместных действий против англичан и французов...

– В случае объявления ими войны России.

– Да. Разумеется. Так вот я бы хотел попросить вас одним из пунктов беседы поставить вопрос о польских каперах. Пускай барон Стекло поднимет эту проблему перед американской стороной и заодно выяснит, известно ли что-либо их морскому ведомству об этом. Взаимодействие с местными властями весьма облегчило бы нашу задачу по поиску и обезвреживанию разбойников.

– Я переговорю с бароном, ваше превосходительство, хотя великий князь и не передавал мне никаких инструкций на этот счёт. Однако думаю, что борьба с польским каперством входит в рамки понятия о военном сотрудничестве, которое мы предполагаем наладить с американцами.

Лесовский кивнул. Он был напряжён и неотступно о чём-то размышлял.

– Не мне давать вам советы, Семён Родионович, но не взять ли вам с собой охрану? Я могу выделить пару-тройку крепких парней. Театр боевых действий совсем недалеко, а вы русский...

– Что ж с того? Я могу постоять за себя.

Не сомневаюсь. Но отдаёте ли вы себе отчёт, что край наводнён шпионами? Мятежники, конечно, уже пронюхали о нашем прибытии, а наши европейские «друзья», несомненно, только и ждут случая, чтобы сцапать кого-нибудь из команды. Чиновник иностранного ведомства России, да ещё без сопровождения, лакомая добыча...

– Напротив, Степан Степанович, – воскликнул штатский. – Один я не привлекаю к себе внимания, а с парочкой ваших орлов наверняка окажусь в средоточии любопытных глаз.

– Как знаете, – развёл руками Лесовский. – Воля ваша. Хотя я не стал бы пренебрегать охраной.

– Уверяю вас, я в полной безопасности, – беззаботно откликнулся штатский. – В той мере, разумеется, в какой вообще можно чувствовать себя в безопасности, находясь под боком у враждующих армий. – Он вскочил. – Позвольте откланяться?

– Да, – кивнул контр-адмирал.

Они пожали друг другу руки, и чиновник выскользнул из кают-компаний.

В это же самое время на противоположном конце материка, в Сан-Франциско, аналогичную речь держал перед своими офицерами командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Андрей Александрович Попов. Перед ним стояла более сложная задача. Дело в том, что контр-адмирал увёл свою эскадру из Николаевска-на-Амуре без позволения морского министерства, а стало быть, не имея никаких чётких инструкций от высшего командования. Поступок его был вызван острым предчувствием надвигающегося конфликта с европейскими державами и осознанием того факта, что запертая в порту, эскадра окажется бесполезной для России. Рассуждение это, вполне справедливое и основанное на опыте недавней войны, оказалось, однако, совершенно непостижимым для многих офицеров, не говоря уже о министре Краббе, возмущённом самоуправством и вопиющим нарушением субординации со стороны контр-адмирала. Посему Попову предстояла нелёгкая миссия обуздания глухого недовольства экипажа и налаживания взаимоотношений с властями Калифорнии, немало удивлёнными приходом русских кораблей.

– Как вы понимаете, господа, – говорил он, – в свете тех позиций, что заняли европейские страны в отношении польского мятежа, возможность войны представляется в высшей степени вероятной. А поскольку флот, без дела простаивающий на базе, никаких профитов России не приносит, и соотносясь с текущей обстановкой, я скомандовал кораблям эскадры собраться здесь, у калифорнийского берега, с тем, чтобы иметь свободу действий на случай объявления войны. Полагаю, вы поддержите меня в этом решении, а даже если и нет, изменять я его не собираюсь. Все мы помним, что случилось с нашими эскадрами во время Крымской войны, и я вовсе не хочу, чтобы это повторилось...

Контр-адмирал поговорил немного о взаимоотношениях с жителями Калифорнии, об угрозе со стороны южных мятежников и возможных провокациях англичан и французов, после чего закрыл собрание.

– Все свободны, кроме лейтенанта Штейна и гардемарина Чихрадзе, – объявил он.

Офицеры, за исключением указанных двух, молча покинули помещение кают-компаний. Лейтенант Штейн – маленький щуплый паренёк двадцати пяти лет с застенчивым взглядом серых германских глаз – непроизвольно поправил на себе мундир и, забывшись на мгновение, куснул ноготь на большом пальце правой руки. Он не знал, зачем его оставил командующий, и по старой, вынесенной из училища, привычке предполагал худшее.

Гардемарин Чихрадзе – рослый, хотя и слегка неказистый, грузин с могучей мускулатурой и копной курчавых волос над красным, некрасивым лицом – воспринял приказ контр-адмирала с полной невозмутимостью. Он недвижимо сидел, пока остальные выходили из кают-компании, и смотрел перед собой. По лицу его вообще невозможно было сказать, озадачен он неожиданным повелением Попова или наоборот обрадован.

– Для вас, господа, у меня поручение особого характера, – промолвил командующий. – Вам предстоит доставить его превосходительству контр-адмиралу Лесовскому карту размещения английских и французских судов в китайских водах, а также предварительный план наших действий на случай войны. Надеюсь, вы понимаете: бумаги эти сугубо секретные, вручить их следует лично в руки его превосходительства либо нашего посла в Вашингтоне барона Стекля. По вашим лицам вижу вопрос: отчего именно мы, а никто другой? Причина проста – вы, господин лейтенант, свободно говорите по-английски, стало быть, не затеряетесь в стране, а вы, господин гардемарин, великолепно владеете пистолетами и наделены недюжинной физической силой. Будете охранять господина Штейна. Одного я вас, Виктор Генрихович, уж простите, отпустить не могу, опасно, а дать вам в сопровождающие кого-либо из матросов тоже не решаюсь – не ровён час, сбегут. Американцы, я слышал, по триста долларов дают тем, кто запишется в армию, а нашим только того и надо. В общем, таков расклад.

Попов многозначительно дёрнул бровями и упёрся ладонями в стол.

– Вопросы будут?

Офицеры переглянулись.

– Э-э... – нерешительно протянул Штейн. – Если ваше превосходительство позволит... я бы хотел поинтересоваться насчёт финансов. Всё-таки проезд в Нью-Йорк не из дешёвых...

– Деньги получите у интенданта. Хватит и на дорогу, и на прокорм. Ещё вопросы есть? Нет? Прекрасно. Сегодня отправлю телеграмму Лесовскому, а завтра отправитесь в путь. Из каждого города, где имеется телеграф, будете сообщать о своём местонахождении. С европейцами держите ухо востро, деньгами не сорите, всё-таки казённые, ведите себя как можно скромнее. Ваша задача – доставить бумаги. Остальное, что здесь происходит, вас не касается. Это ясно?

– Так точно, ваше превосходительство, – хором откликнулись офицеры.

– В таком случае не смею вас больше задерживать. Отдохните, соберитесь с силами. О своей миссии никому ни слова. Даже товарищам по службе. Будут спрашивать – отвечайте, что командующий запретил вам распространяться об этом. И помните – вы выполняете дело государственной важности. Справитесь – государь вас не забудет. Завалите – отправлю под трибунал. И это не шутки.

Попов махнул рукой, и оба офицера вышли в коридор.

– Дело – табак, – пробормотал Штейн.

Чихрадзе посмотрел на него сверху вниз и почесал щетинистый подбородок.

– Я загляну к тебе. Надо составить маршрут пути, – сказал он с лёгким кавказским акцентом.

– Давай, – согласился лейтенант. Но в голосе его слышалась обречённость.

Семён Родионович Костенко служил по иностранному ведомству добрых пятнадцать лет. Поступив когда-то в министерство в чине сенатского секретаря, он не имел особых оснований рассчитывать на карьерный рост. Родственники его были бедны и незнатны, родители, происходившие из мелкопоместной украинской шляхты, давно умерли. Не имея капиталов, но обладая целеустремлённостью и неуёмным честолюбием, Семён Родионович решил оставаться бобылём, пока не накопит достаточно средств, чтобы содержать семью. Отсутствие личной жизни позволяло ему заняться самообразованием, а точнее, изучением английского языка. Почему английского? Да потому что французским в Петербурге было никого не уди-

вить, а немецкий и без того являлся родным для доброй половины чиновников столичных ведомств. Англия же в то время ещё не привлекала к себе такого пристального внимания российской общественности, а потому и язык её считался второстепенным и совсем неизящным. Но Костенко видел, что именно англосаксонский мир скоро начнёт царить в гостиных, министерствах и дворцах, оттеснив прежних любимцев русского дворянства – Францию и Австрию.

Лишённый по неродовитости своей возможности посещать Английский клуб (где, как говорили, можно было услышать живую британскую речь), Костенко стал завсегдатаем кронштадского порта и петербургских кабаков, в которых собирались иностранные моряки. Там он освоил язык притонов и подворотен, научившись даже различать некоторые диалекты. Впрочем, само по себе знание английского больших дивидендов ему не принесло. Переместившись благодаря своей энергии на два чиновничьих класса, Костенко на некоторое время остановился в служебном росте, ибо все хлебные места были прочно заняты ветеранами Венского конгресса, которые твёрдо были намерены досидеть на них до конца.

И тут как нельзя кстати разразилась Крымская война. Катастрофичная для России, она явилась истинным подарком судьбы Костенко. Позиции прежних вершителей европейской политики ослабли, на смену им пришло новое поколение дипломатов, ведомых князем Горчаковым. Сразу же вскрылись неблаговидные делишки, которые творились за спиной, а может, и с ведома ушедшего канцлера. Проверки, затеянные новым министром, вскрыли многочисленные злоупотребления по хозяйственной части, а также повальное взяточничество, шедшее не раз во вред российским интересам. Среди прочего, были выявлены случаи прямой измены, когда чиновники министерства покрывали аферы фабричных ловкачей, сбывавших ценные материалы англичанам, французам и туркам. Разбирая один из таких случаев, Костенко представил бумаги, из которых со всей очевидностью следовало, что продавать врагам оружие не брезговало даже знаменитое семейство Нобелей. Их предприятие было отстранено от военных поставок, а карьера Костенко опять пошла в гору. К началу польского мятежа он уже ходил в чине надворного советника и состоял в штате статс-секретаря по европейским делам.

В министерстве он был на хорошем счету, а потому, когда возник вопрос о дипломатическом представителе в американскую экспедицию, долго выбирать не пришлось. Великолепное знание английского и сообразительность делали Костенко кандидатурой номер один. Немаловажное значение имели и навыки кулачного боя, приобретённые им в припортовых забегаловках. Одно время Костенко даже брал уроки бокса у портсмутского шкипера, но далеко в этом не продвинулся – помешали скудные финансы и недостаток времени. Впрочем, пару хороших ударов он освоил и при случае мог отбиться от парочки подвыпивших драчунов.

Так он впервые оказался за границей, притом сразу на другом континенте. Что греха таить, душу Костенко не раз посещали различные сомнения. Он не знал, как американцы отнесутся к его английскому произношению, боялся оказаться недотёпой в чуждых и непривычных обычаях; его также беспокоило то, что в случае неудачи никто не поддержит его, зато будет множество таких, которые с удовольствием подставят ему ногу. Окружающие принимали его за матёрого волка дипломатии, и он усиленно старался соответствовать этой репутации. Но мысли его оставались в разброде.

От Нью-Йорка до Вашингтона двести тридцать миль или примерно сто пятьдесят вёрст. Лошадь такое расстояние покрывает дня за четыре, а если ехать почтовыми, то можно уложиться в сутки. Но американцы – народ предприимчивый, а потому давно уже проложили от одного города к другому железную дорогу.

Костенко не стал откладывать свою поездку, справедливо рассудив, что сделать это сейчас, пока эскадра ещё не окружена сетью согладатаев, будет намного легче и безопаснее. Вокзал находился на другом конце Нью-Йорка. Чтобы добраться до него, пришлось пересечь чуть не весь город. Это было на руку русскому агенту. Блуждая по прямым, как шахматные линии,

улицам американского мегаполиса, он впервые вдохнул запах чуждой ему жизни и получил возможность оценить свой уровень языка в общении с незнакомыми людьми.

С моря Нью-Йорк выглядел как обычный портовый город. Позеленевшие от сырости деревянные строения, множество судов у причалов, суeta на пристанях. Улицы по ширине своей не уступали петербургским, а классическая простота планировки обнаруживала педантичную душу голландцев, основавших здесь колонию двести пятьдесят лет назад. Если бы не грязь и не обилие хаотично разбросанных лавочек, город мог бы привести в восторг даже ревнителя военной дисциплины государя Николая Павловича.

Костенко медленно продвигался по средоточию американской жизни, с детским восторгом озираясь вокруг. Английская речь, звучавшая отовсюду, пробуждала в его душе странное ощущение сбывшейся мечты. Обилие негров невольно заставляло поёживаться с непривычки – они мерещились ему таинственными и непонятными существами, от которых лучше держаться подальше. Всё это очень отличалось от чопорного, сурового Петербурга, где согбенные чиновники во фраках скользили вдоль стен, заискивающе кланяясь встречному начальству, а дворники и прохожие снимали шляпы перед проезжающим губернатором. Здесь люди вышагивали, высоко подняв головы, не шарахаясь от грохочущих экипажей, а простолюдины словно соревновались в достоинстве с богачами. Через улицы – неслыханное дело! – там и сям висели яркие полотнища с рекламой и объявлениями. Трёх и четырёхэтажные дощатые дома были раскрашены в яркие цвета, создавая ощущение праздника. Странно было видеть всё это человеку, привыкшему к гранитным громадам николаевского Петербурга. Не было здесь ни чиновных мундиров, ни гусарских доломанов, ни гимназистских курточек, люди одевались кто во что горазд, словно соперничали друг с другом в вычурности одеяния. Даже дома, казалось, кричали прохожим: «Взгляните на меня! Другого такого вы не найдёте нигде на свете».

Близость войны давала о себе знать. Всюду ездили конные разъезды, маршировали отряды волонтёров. Один из них, чеканя шаг, пел песню, которую Костенко слышал потом очень часто:

Глупый янки ехал в город,
Пони оседлавши.
В шляпу он перо воткнул,
Лапшой его прозвавши.

Глупый янки, хвост торчком,
Костюм напялил новый.
С девушками в пляс пойти
Он всегда готовый.

В лагерь мы с отцом пришли,
С нами – друг наш Гудинг.
Много бравых там вояк,
Толстых словно пудинг.

Глупый янки, хвост торчком,
Костюм напялил новый.
С девушками в пляс пойти
Он всегда готовый.

Был там вождь наш Вашингтон,
На лошади скакавший,

И миллион своих бойцов
К победе призывавший.

Глупый янки, хвост торчком,
Костюм напялил новый.
С девушками в пляс пойти
Он всегда готовый.

Рядом с волонтёрами шагал офицер, грубыми окриками равнявший строй. Люди, взиравшие на это шествие, были угрюмы и неприветливы. Многие смотрели на марширующих с явной досадой, некоторые, смеясь, стучали себя пальцем по лбу. Как видно, война не была популярна среди жителей города, или они просто устали от неё.

Улицы прямо-таки гудели от деловитости, над крышами реяли государственные флаги, придорожные забегаловки были полны военных в синих мундирах и широкополых шляпах. Кое-где виднелись следы разрушений и пожаров – напоминание о летних волнениях ирландских работников, когда народ негодовал по поводу рекрутского набора и освобождения негров.

Иногда мимо проносились открытые коляски с богато одетыми людьми. На козлах сидели негры в простых штанах и суконных рубахах. Заслышав шум колёс по мостовой, толпа расступалась, но никому не приходило в голову снимать шляпы или хотя бы учтиво кланяться. Все были заняты своими делами, никто не обращал внимания на пассажиров в пролётках.

Повсюду были проложены рельсы для конных трамваев. Жителю России такое средство передвижения было ещё в новинку, а вот американцы явно воспринимали его безо всякого пиетета. Толпы простолюдинов набивались в красные вагоны, высовываясь из окон и свисая с подножек, а бойкие мальчишки цеплялись сзади за металлические лестницы и строили рожи прохожим. Удивительно и странно было наблюдать всё это.

Спрашивая дорогу, Костенко внимательно следил за реакцией собеседников, оценивая свой английский, но никто, вроде бы, не обращал внимания на его акцент. Оно и понятно – в городе толклось столько иностранцев, что могло показаться, будто он состоял из одних приезжих. Семён Родионович то и дело встречал группки европейских моряков, курсировавших меж кабаков и борделей, китайцев в холщовых рубахах, волокших на себе какие-то тюки, пейсатых евреев с дорогими часами в жилетных карманах, стоявших на пороге своих магазинов.

Он несколько раз оглядывался, проверяя, нет ли слежки, но что можно было разглядеть в этом говорливом море? На всякий случай он старался держаться людных мест, чтобы ненароком не угодить в лапы врагов или, того хуже, обычных грабителей. Время от времени он проводил рукой по левому боку, нащупывая под отворотом сюртука инструкции от великого князя Константина Николаевича. Было бы очень глупо потерять их в толпе или дать обчистить себя карманникам, которых в Нью-Йорке, как и в любом другом крупном городе, было, конечно, хоть пруд пруди. Но к счастью, ничего такого с ним не произошло, и он без приключений добрался до вокзала.

Ему повезло: поезд в американскую столицу отходил через пятнадцать минут. Он не мешкая купил билет во второй класс и зашёл в вагон. Следующего поезда пришлось бы ждать добрых два часа, что, впрочем, было не так уж много в сравнении с промежутками между прибытием поездов на Царскосельской железной дороге – единственной, которую до сей поры видел Костенко. Сам поезд оказался почти совершенно таким же, как в России, с той лишь разницей, что американские вагоны были несколько уже, да все окружающие здесь болтали исключительно по-английски, к чему Костенко пока не приноровился.

Он с удовольствием устроился на мягком сиденье, прислушивался к разговорам соседей. Их язык показался ему несколько отличным от того, на котором разговаривали британские матросы, но ухо, привычное к иноземной речи, с лёгкостью усваивало незнакомые слова.

Беседы велись главным образом о ценах на продукты и одежду, об освобождении негров и грядущих выборах губернатора. Женщины делились друг с другом личными горестями, мужчины говорили о политике и торговле. Кто-то упомянул о русской эскадре, но сообщение это не вызвало интереса. Люди были слишком поглощены бытовыми проблемами, чтобы отвлекаться на посторонние предметы.

Костенко, разумеется, больше всего волновали темы, связанные с войной, но об этом почти не говорили. Раз только кто-то высказал соображение, что Потомакская армия скоро развернёт новое наступление на Ричмонд – эта мысль прозвучала как бы между прочим и была тут же забыта. Казалось, люди были уже так измучены войной, что вспоминать о ней им было неприятно. Зато много говорилось о скорых выборах руководства штата – пассажиры оживлённо обсуждали кандидатов, ломая копыя вокруг некоего Горацио Сеймура. Костенко было невдомёк, кто это такой, спросить же он не решался, боясь, как бы соседи, распознав в нём чужака, не прониклись к нему недоверием. Поэтому, устав блуждать мыслью среди незнакомых имён и событий, он перестал следить за нитью беседы и уставился в окно. Там тоже было на что посмотреть.

Вдоль путей двигались бесконечные колонны военных. Кое-где были разбиты лагеря, в тучах пыли носились всадники, тянулись десятки орудий на конной тяге. Мимо пролетали убогие посёлки с хижинами, отдалённо напоминавшими мазанки на малороссийской родине русского агента, их сменяли помпезные усадьбы из белого камня, окружённые крутыми косогорами, сплошь заросшими чертополохом и соснами. Места, по всему видать, были богатые, хотя и несколько подпорченные близостью театра боевых действий. Некоторые особняки были заколочены, дома кое-где обветшали или сгорели.

Скоро всё это закончилось, и поезд въехал в гористую местность. Начинались отроги Аппалачей. Леса сменились редким сухостоем, кругом замелькали шахты и отвалы каменно-угольной руды. Место усадеб заняли деревянные бараки с плоскими крышами, зелень отступила под натиском чёрной пыли, грязные люди бродили меж убогих строений, чумазы горняки бегали с тяжёлыми тачками, разгружая вагонетки. Измученные унылые лошади, опустив головы, стояли в ожидании, когда их погонят в штольни за новой порцией руды. Окна занесло копотью и угольной пылью, в купе потемнело. Пассажиры, невольно подавленные мрачностью обстановки, притихли, кое-кто задремал.

– Я читал в «Нью-Йорк геральд», что выплавка чугуна и стали сократилась в два раза, – вполголоса сообщил Костенко его сосед, усатый толстяк лет сорока с волосами, заглаженными на пробор. – Армейский призыв. Гребут всех без разбору. Как будто война для них важнее угля. Идиотская политика. Как вы думаете?

– Я не знаю, – смущённо отозвался Костенко. – Я не здешний.

– Откуда же вы?

– Из России.

– О! Далёкая снежная страна. Вчера в Нью-Йорк пришла ваша эскадра. Вы слышали об этом?

– Да.

– Молодцы! Браво, парни! Так этой Англии и надо. Пришла пора дать ей по носу.

Костенко улыбнулся.

– Ваш царь – славный малый, – продолжал толстяк. – Надеюсь, он как-нибудь приедет к нам.

– А вы сами в Россию не собираетесь?

– О нет! Европа не по мне. Мой компаньон был у вас в Париже: всё дворцы и дворцы. Скучно. Даже биржа открыта не каждый день.

Семён Родионович ещё раз улыбнулся. Его позабавило такое странное восприятие мира. Рассудив, однако, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят, он промолчал и отвернулся к окну.

– Не боитесь опять воевать с англичанами? – спросил его другой пассажир, седовласый мужчина преклонного возраста, с орлиным носом и большими голубыми глазами под высоким морщинистым лбом. Одет он был в просторную светлую рубашку со шнурком, фланелевые штаны и сюртук не первой свежести. Вид его выдавал человека решительного и уверенного в себе.

– Надеюсь, до этого не дойдёт, – вежливо ответил Костенко.

– А если дойдёт – не наложите в штаны?

– Полагаю, что нет.

– Смотрите не опростоволосьтесь, как в последнюю войну, – нажимал он.

– Я думаю, государь Александр сделает всё необходимое для нашей победы.

Собеседник задрал подбородок и задумчиво посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Ах, это правда, что вы падаете ниц перед своим монархом и не смеее взглянуть ему в глаза? Смешно, право слово... – воскликнула дама средних лет в строгом зелёном платье, с маленькой корзиночкой на коленях.

– Это не совсем так, мадам, – учтиво ответил Костенко.

Пассажиры вновь оживились, полезли к Семёну Родионовичу с расспросами. В оживлённых беседах незаметно пролетело время.

Спустя пять часов поезд прибыл в Вашингтон. Толстяк, проникшись к Костенко дружескими чувствами, оставил ему свою визитку и приглашал посетить его дом. Титулярный советник долго прощался с ним, благодаря за участие; наконец, они расстались.

Костенко предстояло отыскать российское посольство. На руках он имел адрес и рекомендательное письмо от его сиятельства князя Горчакова. Вашингтон – город небольшой (даром что столица), а потому поиски не заняли у русского агента много времени. Первый попавшийся полисмен рассказал ему, как добраться до посольского квартала, и вскоре Костенко уже стоял перед дверьми русской миссии.

Барон Эдуард Андреевич Стеклъ был человеком осторожным и хитрым. Немец на русской службе, он являл собою полную противоположность Костенко. Если Семён Родионович упорно, ступень за ступенью, поднимался по карьерной лестнице, преодолевая сословные рогатки, то барон вознёсся на вершину дипломатического Олимпа мгновенно,двигаемый происхождением и родственными связями. Отправленный в США на место поверенного русского посольства, он уже спустя четыре года, после смерти прежнего представителя, занял должность посла, каковую и исполнял на протяжении последних одиннадцати лет, женившись на американке и став практически своим в кругах местного высшего света. Можно сказать, Америка стала его третьим домом, после России и родной Австрии.

К Костенко он вышел в простом чёрном фраке, накрахмаленной рубашке, идеально выглаженных брюках и мягких туфлях с загнутыми носами. Под стоячим белым воротником болтался шёлковый синий шнурок. Он приветливо улыбнулся, пожимая руку Семёна Родионовича, указал ему на кресло.

– Что же, очень рад, очень рад, – рассеянно проговорил посол, садясь напротив Костенко и разворачивая пакет от великого князя. – Надеюсь, нашим морякам будет оказан достойный приём в Нью-Йорке. Американский народ ценит протянутую ему руку дружбы. Как долго Степан Степанович намерен пробыть в Соединённых Штатах?

– Пока не получит приказа возвращаться.

– Да-да, разумеется, – пробормотал Стеклъ, углубляясь в чтение.

Пока русский посол знакомился с инструкциями, Костенко оглядывал обстановку комнаты. Ему ещё не приходилось бывать в дипломатических приёмных, и это было для него столь же познавательно, как и первое путешествие за границу. Несколько изящных стульев из кедра стояли вдоль пурпурных стен; возле огромного окна, наполовину задёрнутого белой шёлковой занавесью, отсвечивало чёрное фортепиано; две стены с противоположных сторон закрывали тяжёлые гобелены, изображавшие мифологические сцены; на круглом резном столике из красного дерева стояли дорогие мраморные часы с фигурами амуров и атлантов; кресло, в котором он сидел, было обтянуто бархатом, на спинке лежало расписное кашемировое полотенце.

Сам барон Стебль – подтянутый кудрявый шатен лет шестидесяти, с холёными бакенбардами и ровно приглаженными усами – производил впечатление человека дотошного, хотя не лишённого приятности. Круглое молоджавое лицо его, почти лишённое морщин, говорило о некотором педантизме, простительном для немецкого чиновника. Тщательно уложенные виски свидетельствовали об определённом самолюбовании. Читая бумаги от великого князя, он иногда беззвучно шевелил губами, проговаривая про себя фразы. Это означало, что барон, как подобает истинному дипломату, придавал большое значение форме выражения мыслей. Закончив чтение, он сложил бумагу и поднял глаза на Костенко.

– Любопытно. А вы имеете что-нибудь добавить к сему письму?

– Нет. Разве только... – Костенко заколебался.

– Да-да?

Степан Степанович просил обсудить с вами возможность переговоров с американской стороной по поводу польских капёров.

– Вот как? – барон задумался. – Я поставлю этот вопрос перед госсекретарём. Ещё что-нибудь?

– Больше ничего.

– Какова ваша задача?

– Я должен передать его превосходительству контр-адмиралу Попову, командующему Тихоокеанской эскадрой, распоряжения морского министра на случай открытия боевых действий, и доставить Степану Степановичу информацию, собранную Поповым в восточных морях.

– Хм... Задача не из простых. Вам предстоит дважды пересечь весь континент. – Он посмотрел куда-то вдаль и побарабанил пальцами по столу. – Признаться, нахождение наших военных судов в американских портах вовсе не кажется мне такой уж удачной мыслью. А впрочем, великому князю виднее... Вы встречались с князем Горчаковым перед отбытием?

– Да.

– И что он сказал по поводу этого похода?

– Мм... В общих чертах, то же, что и вы.

– Я так и думал. – Он покосился на Костенко и, слегка улынувшись, чуть наклонился к нему. – Между нами, всё это сильно отдаёт авантюрой. Но распространяться об этом, разумеется, не стоит. – Он приложил палец к губам. Затем поднялся с кресла, взял со стола трубку и принялся ходить по комнате, посасывая мундштук. – Я писал его сиятельству, что Конфедерация – это мощная сила. Посмотрите, кто командует её армиями – генералы Ли, Джексон, Лонгстрит... Джексон, впрочем, погиб, но это неважно... Блестящие вояки! Разве могут с ними тягаться те прохвосты, что ведут в бой союзные войска? Линкольн набирает ландскнехтов со всего света, думая, что деньги способны восполнить отсутствие опыта. Но он ошибается. Располагая поддержкой европейских держав, Конфедерация сумеет отстоять свою независимость. Люди из Вашингтона не могут понять, что никакие поляки, ирландцы и немцы не сохраняют для них союз. – Он всплеснул руками. – Вы знаете, что в союзной армии есть даже один русский – некий Турчанинов, несомненно, такой же проходимец, как и остальные, к тому же изменник. О неграх я и не говорю! После освобождения рабов они полились в армию сплошным потоком,

надеясь поживиться имуществом белых. Правительство позволило формировать полки из этих дикарей, на манер индийских сипаев, надеясь, что этот сброд устоит против джентельменов с Юга. Тщетные потуги! Единство Союза обречено, о чём я не раз имел честь докладывать его императорскому величеству. Увы, мой голос не был услышан. Теперь, с подачи великого князя мы вынуждены вступить за гиблое дело, окончательно испортив отношения с европейскими державами. Но это ещё не самое худшее! Плохо то, что Соединённые Штаты никогда не оценят нашей жертвенности. Эта страна – пристанище для самых отъявленных смутьянов. Они носятся со своими химерическими идеями, сбивая с толку народ и вызывая у него сочувствие к себе. Их фетиш – так называемая демократия, а по существу охлократия, которая уже довела их до гражданской войны и боюсь, скоро совсем погубит эту страну. Мы для них – разновидность восточного деспотизма. Все наши жесты дружбы – пустой звук для этих господ, польские анархисты всегда будут им дороже, чем император всероссийский. Не дайте себя обмануть! Они будут говорить вам о сердечном согласии, но в душе всё равно останутся невежественными снобами. Анархия и свобода для них – одно и то же. Мне тяжело говорить такие вещи, я люблю Америку, но это так. – Барон остановился, вынул трубку из рта. – Надеюсь, я не слишком запугал вас этой импровизированной речью? Просто мне хотелось уберечь вас от некоторых иллюзий, которые, к прискорбию моему, владеют умами некоторых весьма уважаемых людей в России.

– Под этими людьми, как я понимаю, вы разумеете великого князя, – полувопросительно сказал Костенко.

Стекль пристально посмотрел на него.

– Надеюсь, этот разговор останется между нами.

– Безусловно, – подтвердил Семён Родионович.

Стекль уселся обратно в кресло и задумался.

– Великий князь, – проговорил он, помолчав, – слишком полагается на добрую волю здешних политиков. Сам исключительно благородный человек, он стремится всех мерить по своей мерке. Между тем я хорошо знаю, что США ни в коем случае не поддержат Россию в её конфликте с европейцами. Не слишком обольщайтесь бравурными заголовками нью-йоркских газет – они выражают мнение определённой группы лиц, стоящей за скорейшее заключение мира с южанами. Большинство населения, к величайшему моему сожалению, не поддерживает этих лозунгов, а стало быть, война будет продолжаться, пока Север не убедится в своём бессилии. Такова природа всеобщего избирательного права! Недалёкие индивидуумы, повинаясь своим инстинктам, толкают народы в бессмысленную бойню, остановить которую может лишь взаимное истощение сторон. Этого не может понять великий князь, выросший в стране, где надо всем довлеет авторитет самодержца. – Он опять помолчал, и вдруг сменил тему. – Вы служите по дипломатическому ведомству, не так ли? Но при этом выполняете указания великого князя. Как это сочетается?

– Князь Горчаков остановился на моей кандидатуре, когда понадобилось найти человека для передачи инструкций от его высочества. Разумеется, он предпочёл чиновника своего ведомства тёмным лошадам из морского министерства.

– Другими словами, его светлость настоял на том, чтобы с подобной миссией отправился кто-то из его сотрудников.

– Совершенно верно.

– Что ж, разумно. Вы, по крайней мере, не наломаете дров.

Они заговорили о положении дел в стране, Стекль попросил Костенко рассказать о его жизни, дал несколько советов, затем поднялся.

– Не смею вас больше задерживать. Если возникнет какая трудность – прошу ко мне. Деньгами вы обеспечены? Прекрасно. Помните: в Штатах развита телеграфная сеть, это вам

не матушка-Россия с её дикими полями, так что проблем со связью возникнуть не должно. Искренне желаю вам преуспеть в вашей миссии.

– Благодарю вас, – поклонился Семён Родионович, пожимая жёсткую ладонь российского посла.

Излишне говорить, что он был весьма озадачен услышанным. Трения между князем Горчаковым и его высочеством не были для него секретом, но лишь здесь он в полной мере оценил их глубину. Костенко вдруг ясно представилась двусмысленность его положения: он – агент по особым поручениям при статс-секретаре министерства внешних сношений, и в то же время служит курьером от великого князя Константина Николаевича, выполняя задание, которое идёт вразрез с позицией его собственного учреждения. Было от чего закружиться голове.

В некоторой растерянности ехал он обратно в Нью-Йорк, ощущая себя песчинкой, зажатой меж двух жерновов. Как не прогадать и угодить всем? Это был главный вопрос, который мучил его. Но прибыв на флагманский корабль Атлантической эскадры «Александр Невский», он получил известие, которое заставило его пересмотреть свои планы. Согласно телеграмме, доставленной часом ранее с нью-йоркского почтамта, контр-адмирал Попов выслал в Нью-Йорк двух человек, каковые и должны были прибыть в самом скором времени, если обстоятельства войны не создадут для них непреодолимых препятствий. С явным неудовольствием Лесовский показал эту телеграмму Костенко, немало раздосадованный тем, что дал себя втянуть в какие-то бюрократические склоки.

– Что же вы, милейший? Говорили мне, что отправляетесь в Калифорнию, а сами ждали телеграмму?

– Клянусь вам, не подозревал. Ничего не понимаю. Я имел чёткие указания от его высочества...

– Прошу вас впредь самому разбираться с начальственными распоряжениями, чтобы не ставить меня в неудобное положение.

– Обещаю вам.

В полном замешательстве Костенко вышел из адмиральской каюты. Круговорот событий выбил его из колеи, спутав мысли и планы. Он не знал, как поступить, и в недоумении почёсывал щёку. Впервые с момента выхода из Кронштадта у него зародилось сомнение относительно способности справиться с заданием. Он гнал предательскую мысль, но она возвращалась, словно приступы язвы. Наконец, он решил, что лучшим выходом для него будет остаться в Нью-Йорке и дожидаться гонцов от Попова. Этот вывод не слишком его утешил, но ничего другого ему не оставалось.

Штейн и Чихрадзе выехали на следующий день после прибытия эскадры в Сан-Франциско. Переодевшись в гражданское платье и дав телеграмму в Нью-Йорк, они сели в вагон третьего класса Сакраментской железной дороги и направились в Фолсом, лежавший в тридцати милях к северо-востоку от побережья. Компанию им составляли главным образом военные и фермеры, несколько клерков и золотодобытчиков. Времена были беспокойные, кругом шныряли отряды южан, поэтому все были вооружены.

– Чёрт знает что, – ворчал Штейн. – Совершенно не представляю себе, как мы будем добираться до Нью-Йорка. Мне сказали на вокзале, что ближайшая железная дорога начинается в Иллинойсе, а это добрых полторы тысячи миль отсюда... Ты представляешь, что нас ждёт? – говорил он Чихрадзе. – Горы Сьерра-Невада, безводные пустыни, солёные озёра и тучи индейцев. Даже если каким-то чудом мы не погибнем от жажды или вражеской пули, нам ещё предстоит пересечь целую дюжину штатов, пребывающих в состоянии междоусобной войны. Кто-то, возможно, найдёт это увлекательным, а по мне всё это одна большая авантюра. Не понимаю, о чём думал Попов, отправляя нас в столь безнадёжное предприятие...

– Чего бояться? – улыбнулся Чихрадзе. – Бог не выдаст – свинья не съест.

– Твоя беззаботность удивительна.

Черноглазый грузин весело посмотрел на него и ничего не ответил.

– Утопия, просто утопия, – бормотал Штейн. – Что, если мы попадём в плен? Никто не станет выяснять, кто мы такие – просто вздёрнут на виселице, и вся недолга. Следи за деньгами, – вдруг заволновался он. – Не хватало ещё остаться без гроша в этих диких местах.

Чихрадзе провёл рукой по левой стороне сюртука и одобряюще похлопал Штейна по плечу. Лейтенант затравленно повёл глазами.

– Пропадём, видит бог – пропадём...

– Зачем ты так волнуешься? – удивился гардемарин.

– А ты не волнуешься?

– Нет.

– Восточный флегматизм, – криво усмехнулся Штейн.

Чихрадзе ещё раз пожал плечами.

Поезд долго огибал залив Сан-Франциско, густо обставленный католическими миссиями, ранчо и посёлками рыбаков, затем въехал в плодородную долину. Потянулись бесконечные луга с россыпями жёлтых, красных и белых цветов; на лугах паслись лошади и коровы; ковбой с ружьями у сёдел и мексиканцы в просторных рубашках, сидя на конях, провожали глазами поезд. Тут и там торчали полуразрушенные чёрные скалы, их сменяли ровные ряды виноградных и апельсиновых посадок, за которыми виднелись деревянные крыши особняков и кресты на остроконечных куполах церквей. Деревья здесь были редки, лишь иногда попадались стройные кипарисы да раскидистые орешники. То и дело мелькали живописные озёрца, полные уток и прочих водоплавающих птиц.

– Странно, что нет индейцев, – разочарованно заметил Штейн. – Я мечтал взглянуть на этих детей прерий. – Он покосился на Чихрадзе. – Красивый вид, не правда ли? Деревьев вот только маловато... – Он, кажется, слегка унял волнение и теперь мог насладиться путешествием.

– И гор нет, – вставил гардемарин. – Без гор какой вид?

– Будут тебе горы, – усмехнулся лейтенант. – И горы, и пустыни, и полноводные реки. – Он вздохнул и добавил, глядя, как стая уток поднимается с озера. – У нас в Курской губернии сейчас самый сезон. Отец бекасов бьёт. Они у нас крупные, жирные, пальчики оближешь! А ещё фазаны есть, тетерева, рябчики... Бывает, и лось забредает. Мы с отцом всегда, чуть осень, берём ружья и в лес. Удовольствие несказанное! Вообрази – молчаливая чаща, деревья обнесло первой желтизной, под ногами шелестит сухой лист, морозца ещё нет, но уже слегка похолодало, пахнет сырой травой и мхом. Птица собирается в стаи, слышен стук дятла и быстрое порхание птичьих крыльев. Соловьи перелетают с ветки на ветку. Ты идёшь в больших сапогах, ноги слегка проваливаются в мягкую землю, впереди крутится Черныш – это наша гончая – поводит носом, дрожит всем телом, чувствует добычу. Рядом тихое болотце, окружено поникшими ивами и дубками, и кого там только нет! Хрустнешь неосторожно веткой, и ввысь взмывают тучи птиц. Можно бить, не целясь. Но ведь ты – охотник, тебя привлекает азарт. И вот ты неслышно раздвигаешь кусты, взводишь курок, выбираешь добычу – и бац! Один выстрел – и кругом начинается свистопляска. Тучи птиц срываются с застоялой тины. Ты стреляешь ещё и ещё, Черныш мчится вперёд, несётся сквозь заросли камыша и осоки, затем плюхается в воду – ты слышишь этот всплеск – и скоро приносит тебе подстреленного кроншнепа. Ты треплешь его за ухом, а он трётся о твой сапог, довольный, что нашёл добычу. Затем ещё долго бегают вокруг болота, вынюхивая подстреленную дичь, после чего мы возвращаемся домой, предвкушая пиршество и гостей. Как это, право, восхитительно! – Он опять посмотрел на товарища. Тот сохранял молчание, неотрывно глядя в окно. Вид его не выражал никаких эмоций. – Отец мечтает увидеть меня в адмиральских эполетах, – пробормотал Штейн, слегка обескураженный невозможностью спутника. – Он не говорил об этом, но я знаю. Если бы

не он, я бы не пошёл во флот. Ему хотелось видеть сына морским волком – первым в нашей сухопутной губернии... – Лейтенант усмехнулся. – У него есть связи в морском министерстве, троюродный брат на хорошем счету у Краббе. Но не в этом суть. Он у меня либерал, почитатель великого князя Константина Николаевича. После февральского указа освободил всех крестьян без выкупных, сдал землю и устроился жить на казённое пособие. Все соседи потешались, мать тоже была против, но отца разве остановишь? Решил – как отрезал. Когда я выпустился из училища, то хотел отчислять родителям кое-что из жалованья. Немного, но тоже деньги! Отец не взял. Гордый! Никогда ни от кого не зависел, и теперь не будет. Вот так! Я, конечно, тайком передаю кое-что матери, но всё равно сердце болит. Как-то они там? – Штейн вздохнул и отвернулся к окну. Помедлив, спросил Чихрадзе. – А тебя каким ветром занесло на флот?

– Я вырос на берегу моря, – коротко ответил грузин.

– И что?

Гардемарин неохотно перевёл взгляд на товарища.

– Мне хотелось покорить его. – Он помедлил. – У нас в селе все ловят рыбу; у каждого в доме есть сеть. Но никто не был на другом берегу. Понимаешь? Мы боимся моря. Для нас оно – не источник пищи, а господин. Необоримая стихия. Мне надоело бояться. Я захотел обуздать его.

– И ты решил стать моряком?

– Да.

Они помолчали. Штейн заметил, что своей беседой на непонятном языке они привлекли внимание окружающих. Люди недоверчиво косились на них, поглаживали стволы ружей. Двое военных с эмблемами армии Соединённых Штатов на рукавах, поднявшись с деревянных скамеек, приблизились к русским офицерам.

– Капитан Пирс, – представился один из них. – Могу я проверить ваши документы, господа, и полюбопытствовать, кто вы и откуда?

– Офицеры русской Тихоокеанской эскадры, – быстро ответил Штейн, волнуясь. – Я – лейтенант Штейн, а это – младший офицер Чихрадзе. – Он облизнул губы. – Едем в Нью-Йорк по служебной надобности.

– В Нью-Йорк, – протянул капитан, проверяя их паспорта. – Нескоро же вы туда доберётесь. Не те нынче времена, чтобы колесить по стране. – Он отдал им документы и отковырял. – Опасные нынче времена, что и говорить.

– Другие пассажиры с интересом разглядывали подозрительных иностранцев.

– Куда намереваетесь двигаться из Фолсома? – продолжил расспросы Пирс.

– Пока не знаем. Я слышал, на Восток ходят дилижансы. Это правда?

– Да. – Капитан с сомнением поглядел на русских. – Вам лучше ехать через Орегон. Так безопаснее.

– Вы полагаете?

– Однозначно. Это, правда, удлинит вам путь, зато доберётесь без приключений.

– Благодарю за совет.

Пирс перевёл взгляд на Чихрадзе.

– Ваш товарищ не говорит по-английски?

– К сожалению.

Гардемарин сообразил, что разговор о нём, и поднял на капитана взгляд чистых грузинских глаз.

– Большой недостаток для человека, собирающегося пересечь всю Америку, – заметил Пирс.

Штейн смущённо развёл руками.

– Почему вы не в форме своего флота? – не унимался настырный американец.

– Начальник рассудил, что человек в русском мундире будет привлекать к себе внимание. Зачем нам неприятности?

– Справедливое заключение. По прибытии в Фолсом я бы попросил вас отметить в военной комендатуре. Для вашей же безопасности. Заодно отправите уведомление в Сан-Франциско о своём приезде. Пусть начальство знает, что вы не потерялись в дороге. – Он бросил взгляд на русских и ещё раз отдал честь.

– Желаю благополучного путешествия.

– О чём он говорил? – спросил Чихрадзе, когда военные удалились.

– Спрашивал, куда едем. Сокрушался, что ты не владеешь английским.

– Не его собачье дело, – пробурчал грузин.

– Лучше нам не болтать по-русски, – проворчал Штейн.

– Что ты трясешься? Ведь ничего же не случилось.

– Сейчас не случилось, потом случится.

Чихрадзе иронически покачал головой.

– Тебе и впрямь стоило остаться на корабле. Накаркаешь нам беду.

Лейтенант бросил на него хмурый взгляд и уставился в окно.

Глава вторая

Интрига начинается

Несколько дней Костенко неотлучно пребывал на корабле. Лесовский его не жаловал, офицеры игнорировали, заняться было нечем. Безделье и подвешенное состояние, в котором он находился, действовали угнетающе. Он ждал ответа от Стекла, но тот молчал, и тем приводил русского агента в неистовство. Не находя себе места от скуки, Костенко принялся бродить по Нью-Йорку, присматриваться к незнакомой жизни. Ограниченный в средствах, он не мог позволить себе разъезжать на трамваях, а потому вынужден был ходить пешком, как во времена студенческой молодости. Это, впрочем, не слишком огорчало его, ибо позволило внимательнее присмотреться к городским реалиям, заметив детали, которые он бы неизбежно пропустил, если бы катался в экипажах или на трамвае. Он заходил в дешёвые лавки, обедал в забегаловках, отдыхал в парках, и неустанно прислушивался к разговорам прохожих. Надо сказать, их речь была ему не слишком понятна. Местный диалект, пересыпанный итальянскими, ирландскими, голландскими словечками, и щедро сдобренный жаргонизмами, не раз ставил его в тупик. Он скрежетал зубами, не в силах понять этой тарабарщины, внутренне поражаясь, насколько далеки могут быть друг от друга разные варианты одного и того же языка. Это был даже не язык, а какой-то суржик, немыслимый винегрет из самых разных выражений, понадёрганных по всей Европе, приправленный солёными еврейскими ругательствами и впитавший в себя солидный пласт негритянского фольклора.

Надо сказать, народ здесь был пугливый. Стоило Костенко пристроиться к какой-нибудь компании, как разговоры сразу стихали, и люди принимались подозрительно коситься на него. Семёну Родионовичу оставалось напускать на себя непринуждённый вид и, сунув по местному обычаю руки в карманы, удаляться, насвистывая незатейливую мелодию.

Он не рисковал уходить далеко от порта. Кварталы здесь были всё больше мрачноватые, повсюду крутилось множество нищих, то и дело попадались группки каких-то молодчиков самого злодейского вида в толстых холщовых рубахах и штанах на подтяжках. Если бы не толпы иностранных моряков, Костенко чувствовал бы себя очень неудобно.

Однажды Лесовский сказал ему:

– Губернатор штата устраивает приём в честь нас. Все офицеры получили приглашения. Относительно вас разговора не было, но я полагаю, не будет дурным тоном, если...

– Искренне благодарю, – быстро ответил Костенко. – От приглашения не откажусь. Надеюсь увидеть на этом приёме его превосходительство посла – нам есть о чём поговорить.

– Именно. Как продвигается наше дело?

Семён Родионович вскинул брови. Так вот почему адмирал хотел видеть его на приёме! Что ж, и на том спасибо.

– Как раз об этом я и хотел спросить барона при встрече.

– Очень хорошо.

В тот же день Костенко отправил Стекло телеграмму с намёком на польских капёров. Слишком долгое молчание барона заронило в него некоторые сомнения относительно решимости Стекла поднимать этот вопрос.

Стекло ответил на следующий день. Сказал, что имел беседу «об интересующем нас предмете», но чётких гарантий не дал. Спросил, будет ли Костенко на приёме. Семён Родионович не ответил.

Приём состоялся в трёхэтажном дворце с высокими окнами, располагавшемся на одной из самых престижных улиц Нью-Йорка. За русскими офицерами приехали десятки экипажей,

кортежем руководил лично Фернандо Вуд – бывший мэр Нью-Йорка, и добрый знакомый президента Линкольна, как он сам отрекомендовался. Костенко, успевший за время плавания ознакомиться с политической структурой США, был несколько удивлён таким заявлением, ибо знал, что Вуд принадлежал к партии врагов президента. Однако просветить адмирала на тот счёт не успел, ибо отставной градоначальник сразу же уволок командующего в свою коляску, а заодно и Костенко, которого, как сотрудника министерства внешних сношений, упросил быть переводчиком.

В Фернандо Вуде – американском политике с испанским именем – не было ничего испанского. Лицо его являло собой образец британского купца или морехода. Прямоносый, с большими глазами и мощным подбородком, он словно только что сошёл с борта рыболовного судна, перенёс не один ужасный шторм. Загорелые щёки его слегка обвисли от возраста (ему было уже за пятьдесят), зато прямые, зачёсанные на пробор, волосы отливали безупречной смолю и щегольски вились на висках. Бывший мэр был среднего роста, улыбчив, казался глубоко вдохновлённым ролью гостеприимного хозяина, и в первые минуты засыпал Лесовского вопросами о его впечатлениях от Нью-Йорка.

– Не смотрите на здешние трущобы, – сказал он, обводя рукой припортовые кварталы, когда коляски тронулись в путь. – Это – рабочие районы, здесь вы не найдёте ничего достойного внимания. Но скоро мы выедем на Тенистую улицу, там вы увидите совсем другой Нью-Йорк, полный театров и ресторанов, средоточие культуры. Вы в России, наверное, думаете, что здесь до сих пор шныряют индейцы, охотясь за скальпами бледнолицых, ха-ха? Не обижайтесь, адмирал, слишком часто нам, американцам, приходится разрушать стереотипы. Я вовсе не говорю о вас, русских. Нет-нет! По счастью, вы лишены того снобизма, который свойственен многим европейцам, в особенности англичанам. Россия – великая страна, ого-го! Вы покорили Сибирь, а мы покоряем Дикий Запад. Очень скоро, я верю, наши столицы будут соединены телеграфом, а там, кто знает, возможно, дело дойдёт и до железной дороги. Да-да, это не фантастика! Вы знаете, мы уже строим первую трансконтинентальную ветку! Через каких-нибудь пару лет из Нью-Йорка до Сан-Франциско можно будет доехать без пересадок. Разумеется, если война не разрушит эти планы. Проклятая война! Как многим она перешла дорогу. Какая это трагедия, когда мы, американцы, с такой ненавистью уничтожаем друг друга, вместо того, чтобы обратить оружие против истинных врагов своего отечества – англичан и французов. Как это ужасно, право!..

– Я совершенно с вами согласен, – вежливо вставил Лесовский.

– Вы, русские, поистине великий народ. Вы сумели избежать тех ошибок, которые совершили мы. У вас никогда не было этого кошмара, именуемого братоубийственной войной. Вы строили свою империю спокойно и не спеша, и теперь пожинаете лавры, а мы, опьянённые успехами, не заметили, как в доме нашем разгорелся пожар, пожирающий ныне всё, созданное прежними поколениями. Каждый раз, когда я думаю об этом, на глаза мне наворачиваются слёзы.

– Я сочувствую вашей беде, – сказал Лесовский.

– Отрадно сознавать, что в этом жестоком мире у нас есть друг. Мы все искренне уважаем вашего государя, который в этот сложный час протянул нам руку помощи. Мы знаем, что ваша страна сейчас тоже находится в смертельной опасности, раздираемая внутренним мятежом. У вас бунтуют поляки... Ох уж эти поляки. Неуёмный народ. Вы знаете, здесь их тоже немало. Они мутят воду везде, где появляются. Станные люди, ей-богу! Неужто они не понимают, что лучше быть под мягкой опекой русского царя, чем под ботфортом британского гренадера? Мне непонятна их страсть. Они губят свои жизни в бесплодных восстаниях, вместо того, чтобы вместе с русским самодержцем противостоять алчным европейцам...

– Спросите его про польских капёров, – подсказал Костенко адмиралу, воспользовавшись секундной паузой в речи Вуда.

– Да! – словно очнулся Лесовский. – Вы слышали что-нибудь о польских корсарах, господин Вуд?

Тот на мгновение задумался.

– Признаться, нет. Да и откуда здесь взяться корсарам, право слово? – Он подмигнул адмиралу. – Последние пираты были повешены сто лет назад, и с тех пор наши воды столь же безопасны, как пруды в садах вашего императора... У него ведь есть пруды? Я так и знал. Каждый уважающий себя монарх заводит парки и пруды. Даже перед Белым домом есть пруд. И хотя наш президент – не монарх, что-то величественное в нём есть. Это говорю вам я, человек, который много раз нещадно критиковал его...

Они выехали на широкую улицу, по обеим сторонам которой тянулись высокие обшарпанные дома и длинные скамейки под навесами. То и дело меж ними попадались симпатичные особнячки с яркой рекламой на окнах. Рядом стояли девицы в крикливых нарядах, заводившие разговоры с прохожими. Кругом шаталось множество солдат и моряков, немало их сидело под навесами, где они пили пиво и болтали. Улица была оживлённая. Нескончаемым потоком шли прохожие в потёртых сюртуках и шинелях, бегали мальчишки в рубашках навыпуск, где-то раздавался визг точильного станка, в грязных окнах на первых этажах мелькали брадобреи, обмазывавшие пеной клиентов. Убогость обстановки была слишком очевидна, чтобы Вуд не заметил брезгливости на лицах русских гостей. Он поспешно заявил:

– Что и говорить, война изрядно подпортила наш прекрасный город. Ещё недавно эта улица была эталоном вкуса, а сейчас сами видите – одни ночлежки, бордели, пивные. Мне самому становится не по себе, когда я оказываюсь здесь. Между тем на этой улице когда-то держал магазин сам Лоренцо да Понте – либреттист Моцарта. Да-да, я не шучу. Скоро мы будем проезжать место, где он торговал овощами и фруктами. Я покажу вам...

Они неслись вдоль по улице, оглушительно грохоча рессорами, а вслед им доносился свист и задиристые возгласы пьянчуг. Вуда здесь хорошо знали – многие снимали шляпы, завидев его, он небрежно кивал в ответ.

– Вон там останавливался Джордж Вашингтон, – показал он на неприметное здание возле одного из борделей. – Он ехал на войну с англичанами и сошёл с коня, чтобы промочить горло. Конечно, дом тогда выглядел по иному, да и окружающий вид был совсем другой, но всё же историческое место. – Вуд выпятил грудь от гордости.

– А куда мы едем? – спросил у него Костенко.

– В Таммани-Холл.

– Что это такое?

– Наш вигвам, – усмехнулся Вуд. – Дом на Третьей Авеню, где расположена штаб-квартира нашей партии. Мы принимаем там самых почётных гостей.

– Вы говорите о Демократической партии?

– Разумеется. – Он с некоторым удивлением посмотрел на Семёна Родионовича. – Разве господин Лесовский не в курсе?

– Несомненно, – ответил Костенко, не желая ронять авторитет русского адмирала. Он был почти убеждён, что Лесовский не имел ни малейшего представления не только о Демократической партии, но и вообще о политической системе аборигенов.

– Скажите, ваш адмирал пьёт бурбон? – заговорщицки спросил Вуд, склонившись к нему.

– В России нет бурбона. Впрочем, я уверен, адмирал не откажется пропустить стаканчик. Мы, русские, всегда открыты новым веяниям.

Вуд удовлетворённо хрюкнул.

Когда питейные заведения и ночлежки остались позади, они выехали на широкую улицу, полную изысканных двухэтажных домов, цветочных магазинов и ресторанов. Это и была Третья Авеню. Облик её несколько портили выбоины на мостовой и грязь на улицах, но в сравнении с припортовыми кварталами это был верх изящества. Здесь тоже было полно военных, но

вместо нетрезвых солдат прогуливались офицеры под руку с дамами. По дороге ездили экипажи, ведомые чёрными кучерами, из ресторанов доносилась музыка и заунывные песни. Русские, видя это, приободрились, глаза их заискрились любопытством.

– Скоро будем на месте, – сообщил Вуд, трясаясь в своём сиденье.

Адмирал кивнул. До Таммани-Холла доехали в молчании. Когда над домами показалась черепичная крыша особняка, Вуд простёр руку и патетически произнёс:

– Вот он, вигвам нашего сахема! Он ждёт своих добрых гостей.

– Простите, что? – удивлённо уставился на него Костенко, тоже подпрыгивая на ухабах. – Это какой-то фольклор?

– Да... в некотором роде, – улыбнулся Вуд. – Мы любим вставлять индейские словечки в разговор. Это отличает нас, уроженцев Америки, от приезжих. В особенности здесь, в Нью-Йорке, где так много иммигрантов. Вигвам – это индейское жилище, а сахем – вождь или старейшина. Так мы называем нашего лидера Уильяма Твида. Если сумеете пригласиться к нему, весь Нью-Йорк будет у ваших ног.

– Он настолько могуществен?

– Ни одна сделка – будь то в бизнесе или политике – не проходит мимо него. Он – наш император, правит Нью-Йорком. Будьте доброжелательны с ним, и вам воздастся сторицей. Твид умеет ценить друзей.

– Мы постараемся.

Они подъехали к трёхэтажному особняку, выстроенному в стиле классицизма, с высокими, загибающимися сверху дугой, окнами и массивными дверями, расположенными по сторонам от центральной колонны. Крыльца возле дома не было, войти можно было прямо с улицы. Это выглядело несколько диковато для человека, привыкшего к тяжеловесной роскоши Петербурга, но после тех подворотов, что они миновали, кривить губы было просто грех. По мере того, как коляски, одна за другой, подъезжали ко входу, к ним подскакивали негры в ливреях, открывавшие дверцы экипажей. Русские офицеры соскакивали на землю, давали неграм на чай, похлопывали по плечу. С балкона над входом на них посматривали люди в дорогих костюмах, с серебряными цепочками на животах. Там же стояло несколько крепких ребят в шляпах, с ружьями через плечо.

Выйдя из двуколки, Вуд махнул стоящим на балконе рукой.

– Вот мы и приехали, господа, – сказал он Лесовскому и Костенко. – Прощу за мной.

Они направились к сводчатым дверям. У центральной опоры арки красовалась небольшая медная статуя человека в индейском одеянии. Заметив удивлённые взгляды русских, Вуд поспешил объяснить:

– Это наш талисман, своего рода патрон – древний вождь Тамманенд, в честь которого назван дом. Здесь когда-то находились его владения, ему обязаны своим спасением от голода первые американцы. Все мы свято чтим его память.

– Это очень благородно, – пробормотал Лесовский, медленно приходя в себя после тряски.

Уильям Твид, или просто Босс, как его называли, был довольно грузный мужчина, с короткой, тщательно постриженной чёрной бородой, не слишком высокий, но и не низкий, начинавший лысеть, а потому выглядевший старше своих сорока лет. Одет он был в дорогой тёмный костюм и белую жилетку, шея его была перетянута серым шёлковым галстуком; лоснящиеся чёрные панталоны с высокой талией туго обтекали выпирающий живот.

– Я рад видеть в нашей скромной обители гостей из далёкой страны, – прогудел он, пожимая руку Лесовскому.

Вуд познакомил их, потом указал на Степана Родионовича.

– Позвольте представить вам господина Костенко, сотрудника Министерства иностранных дел и нашего любезного переводчика. Без его услуг наше общение было бы невозможно.

Степан Родионович поклонился, чувствуя, как его протянутая для пожатия ладонь сплюсчивается в крепких тисках. Маленькие глубоко посаженные глазки Твида быстро ощупали его, рот изогнулся в улыбке.

– Это честь для нас, – проговорил он. – Прошу за мной.

Гости проществовали в главный зал, украшенный колоннами и балюстрадами. Под потолком висели огромные люстры на десятки свечей, где-то негромко играл невидимый оркестр, вдоль одной из стен выстроились осанистые джентельмены во фраках, вдоль другой стояли негры с подносами, вдоль третьей тянулись столы с угощением.

«Как на великосветском приёме», – подумал Степан Родионович. Ему, правда, не доводилось бывать на великосветских приёмах, но по книгам и газетам он представлял их именно так. Рядом, задрав подбородок, вышагивал Вуд. Его лицо преобразилось. Из болтливого мещанина он превратился в эдакого члена дипломатического корпуса, идущего на торжественный обед к монарху. Черты его выпрямились, спина стала как восклицательный знак. Руки он держал по швам, слегка двигая ими в такт движению. Костенко почувствовал необходимость проверить себя на предмет упущения в одежде или походке. Ему тоже ужасно захотелось вытянуться во фрунт, как в приснопамятные дни графа Нессельроде, когда умение тянуть носки перед начальством являлось важнейшим качеством чиновника. Позади длинной цепочкой тянулись офицеры. Они были молчаливы, слышалось только постукивание каблуков о белый шлифованный пол.

Расторопный Вуд расставил гостей вдоль свободной стены. Твид вышел на середину залы и произнёс короткую речь о том, как приятно всем патриотам Соединённых Штатов принимать сегодня моряков из дружественной страны. Намекнув на недругов, желавших поссорить Россию и Америку, он выразил убеждённость, что две эти державы вскоре заключат альянс, «который перевернёт мир». Степан Родионович, переводивший его слова Лесовскому, заметил, как вскинулись у того брови. Непонятно было, рад адмирал этому замечанию или недоволен, но он явно был застигнут врасплох. Твид меж тем прошёлся по имперским амбициям англичан и французов, мечтающих де превратить Америку в свою колонию, и закруглился. Все захлопали. Музыка стала громче, к офицерам подошли негры с подносами, разнося вино.

– Давайте выпьем, господа, за нашу несокрушимую дружбу, – провозгласил Твид.

– Гип-гип-ура! – выкрикнул кто-то из американцев. Остальные немедленно подхватили. – Гип-гип-ура! Гип-гип-ура! Гип-гип-ура-ура-ура!

– Прошу вас, господа, – обратился к русским Вуд, показывая на столы. – Это всё для вас.

Поднялось оживление, все направились к столам. Твид, отдав пустой бокал негру, приблизился к Лесовскому.

– Адмирал, мы очень рассчитываем на вашу флотилию. Вы знаете, военно-морские силы США не могут тягаться с британскими, но если мы объединим наши усилия...

– Мы благодарны американскому народу за гостеприимство и сделаем всё, дабы помочь ему в трудную минуту, – пророкотал заученную формулу Лесовский.

– Превосходно, – грохнул Твид.

Он взял контр-адмирала под локоть и повёл его знакомить с людьми.

– Позвольте представить вам: Горацио Сеймур, губернатор штата Нью-Йорк... Адвокат Сэмюэль Барлоу... Эрастус Корнинг, банкир и предприниматель... Профессор Френсис Либер... Джеймс Беннет, издатель... Джон Сиско, помощник секретаря финансового ведомства... Дэниел Дикинсон, городской прокурор... Конгрессмен Мойзес Оделл...

Они переходили от одного человека к другому, адмирал жал всем руки, а Костенко, старательно переводя их имена и регалии, тоскливо думал, насколько же быстро он скатился до заурядного толмача.

Знакомства, наконец, закончились, и адмирала окружили местные шишки, наперебой принявшиеся обсуждать с ним текущую политику, биржевые новости и последние события на

фронте. Костенко трудился в поте лица, переводя их вопросы, но всё равно не успевал за всеми, да ещё был вынужден то и дело отвлекаться, растолковывая Лесовскому слова из лексикона бизнесменов. К счастью, эта мука длилась не долго. Из боковой двери в залу вошли какие-то люди в белых костюмах, шляпах, с лицами, густо вымазанными сажей или ваксой.

– Господа! – пронзительным голосом объявил Вуд, подняв ладони. – Минуточку внимания. Наш гостеприимный сахем, дабы порадовать гостей и познакомить их с американской культурой, пригласил сюда знаменитый хор минстрелей И.Пи. Кристи. И хоть его создатель безвременно ушёл от нас в прошлом году, творение его продолжает жить и радовать сердца американцев. Поприветствуем их!

Раздались жидкие аплодисменты; актёры, часть которых держала в руках банджо и скрипки, расставили стулья и, поклонившись присутствующим, уселись на них. Один из актёров, выйдя вперёд и забавно кривляясь, объявил номер. Он так ужасно коверкал язык, что американцы покатались со смеху. Но, видимо, это была часть представления, потому что конферансье не выглядел обескураженным, а напротив, был весьма доволен собой. Он подал знак коллегам, и те грянули бойкую песню.

В Кемптауне леди эту песню поют: ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
В Кемптауне дрожжи по кругу бегут. Ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
Приехал туда я с провалившейся шляпой, ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
Вернусь я домой ну очень богатый. Ду-у-да-а! Ду-у-да-а!

Делаем ставки всю ночь!
Делаем ставки весь день!
Хватит воду в ступе толочь,
Спустим деньги на дребедень!

Вот негр летит на кобылице верхом, ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
Споткнулась она, он с неё кувырком, ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
Лежит в грязной яме всадник слепой, ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
Отбил себе зад, дурачина такой. Ду-у-да-а! Ду-у-да-а!

Делаем ставки всю ночь!
Делаем ставки весь день!
Хватит воду в ступе толочь,
Спустим деньги на дребедень!

Вдруг вижу – на трассу бредёт старый мул, ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
Его мой пони прочь отшвырнул. Ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
Мул отлетел, подобно комете, ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
А пони умчался, его не заметив. Ду-у-да-а! Ду-у-да-а!

Делаем ставки всю ночь!
Делаем ставки весь день!
Хватит воду в ступе толочь,
Спустим деньги на дребедень!

Нёсся он метеором, мой пони лихой, ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
Первый круг сделал, пошёл на второй. Ду-у-да-а! Ду-у-да-а!
Он выиграл деньги, быстрый герой. Ду-у-да-а! Ду-у-да-а!

Их увезу в мешке я домой. Ду-у-да-а! Ду-у-да-а!

Делаем ставки всю ночь!
Делаем ставки весь день!
Хватит воду в ступе толочь,
Спустим деньги на дребедень!

Песенка была довольно незамысловатая, но исполнение заслуживало самых высоких похвал. Менестрели били чечётку, хлопали в ладоши и даже пускались в пляс. Публика была в восторге. Даже русские офицеры, мало что понявшие в песне, сразу как-то оживились, принялись аплодировать и криками подбадривать актёров.

За песней пришёл черёд сценических миниатюр. Менестрели разбились на несколько групп и стали смешить зрителей комическими опусами. К сожалению, язык их был настолько далёк от обычного английского, что Костенко лишь разводил руками в ответ на просьбу Лесовского переводить. Зато американцы разражались хохотом. Глядя на них, и русские начали улыбаться, захихикали сами не зная чему. Лёд меж хозяевами и гостями, если и был, окончательно растаял, начались непринуждённые беседы и тосты. К счастью, многие офицеры имели некоторый навык в британской речи, так что услуги Костенко не понадобились.

– Ну как, по вкусу вам наши менестрели, адмирал? – спросил Твид Лесовского, когда актёры ушли.

– Весьма оригинально.

– Я специально пригласил одну из лучших трупп Америки, чтобы вы могли сразу оценить уровень их искусства. У нас в стране гастролирует множество таких коллективов, но подавляющее большинство их, увы, не выдерживает никакой критики. Даже в таком незатейливом деле, как пародирование негров, нужен свой лоск. Вы понимаете меня?

– Разумеется.

– Я сам – не большой поклонник театра, был один раз, едва высидел до конца. Но вот такие представленища – разумеется, без пошлостей – то что надо. А вы что предпочитаете?

Лесовский коротко рассказал ему о своих предпочтениях. Твид рассеянно выслушал его, косясь куда-то в сторону, затем всплеснул руками и воскликнул:

– Ну наконец-то! А мы уж заждались.

Костенко проследил за его взглядом. В дверях стоит русский посол. Он был в торжественном иссиня-фиолетовом фраке и брюках того же цвета, с тростью в руке и при бабочке. Раскрыв объятья, Твид ринулся к нему.

– Мой друг, мой дорогой старый друг, добро пожаловать к нашему очагу.

Они обнялись, затем Твид подвёл его к Лесовскому и Костенко.

– Здравствуйтесь, ваше превосходительство, – поздоровался барон с адмиралом. – Здравствуйтесь, Семён Родионович. Очень рад видеть вас снова.

Стороны расшаркались и обменялись дежурными приветствиями. Затем Твид сообщил послу:

– Адмирал сказал, что его эскадра поддержит нас в случае войны с Англией. Надеюсь, Россия не откажется от своих слов, когда дойдёт до дела. Не так ли, барон?

Стекль кинул быстрый взгляд на изумлённого Лесовского и прокашлялся.

– Много воды утечёт, прежде чем возникнет такая необходимость.

– И всё же вы обещали. А мы, американцы, привыкли верить данному слову. – Он лукаво погрозил барону пальцем.

Тот не ответил. Чувствуя неловкость ситуации, Костенко решил нанести контрудар.

– Господин Твид, мы, русские, тоже привыкли верить данному слову, а потому рассчитываем, что нейтральность Соединённых Штатов в польском вопросе не останется пустым звуком.

– О чём вы?

– О польских капёрах, что, по слухам, нашли убежище в американских водах. Вам известно что-нибудь об этом? Барон Стекль имел на этот счёт беседу с госсекретарём, но тот уклонился от прямого ответа. Это настораживает.

– Первый раз слышу. Впрочем, я не большой знаток в таких делах. Вам лучше поговорить с кем-нибудь из военно-морского ведомства.

– И мы, безусловно, поговорим. Но прежде хотелось бы узнать позицию вашей партии.

Твид озадаченно почесал подбородок.

– Мы не несём ответственности за поступки администрации Линкольна, – помедлив, сообщил он. – Но если правительство скрывает правду, наш долг как оппозиции – вывести его на чистую воду. Я поговорю с Оделлом насчёт того, можно ли поставить этот вопрос на обсуждение в конгрессе.

– Будем вам весьма признательны.

Твид похлопал Костенко по плечу.

– А вы – молодец. Никогда не забываете о деле. Это хорошо.

Он поворковал ещё немного и откланялся.

– Извините, господа, мне надо отойти на минутку. Не стесняйтесь себя, пейте вино, развлекайтесь. Я скоро вернусь. Хозяйственные заботы!

Он ушёл, а Стекль обратил на Лесовского и Костенко взгляд, полный укоризны.

– Прошу вас, господа, впредь не обсуждать вопросов, касающихся межгосударственных отношений, за моей спиной. Для нашего же общего блага.

– О чём вы говорите, барон? – громыхнул адмирал. – Я и не думал что-то обещать этому пройдохе. Он просто поймал меня на слове.

– Вам нужно очень тщательно подбирать слова, адмирал, чтобы не поставить себя в неудобное положение. Это и к вам относится, Семён Родионович. Вы очень удачно ввернули насчёт капёров, признаю это, но здешняя политическая жизнь крайне запутана, и одно неосторожное замечание может произвести бурю. Полагаю, излишне напоминать вам, чем это может закончиться для наших стран и для вас лично.

Костенко с недогнущим лицом выслушал эту тираду.

– Великий князь ждёт от меня определённых результатов, а их нет. Я вынужден брать инициативу на себя.

Стекль слабо усмехнулся.

– Недопустимая самонадеянность для дипломата. – Он приблизил лицо к уху Семёна Родионовича и прошептал. – Знаете ли вы, милостивый государь, что Твид – добрый знакомый некоего Джулиуса Моравского? Вам незнакомо это имя? Весьма прискорбно. – Он оглянулся и хихикнул. – Местные поляки, которых, к слову, в одном только Нью-Йорке наберётся тысяч с тридцать, знают его очень хорошо. Более того, ходят упорные слухи, будто они склонны выполнять любые его указания. Вы спросите, кто это такой? Буржуа средней руки. Приехал в Америку лет десять назад, чтобы заняться аптечным делом. На паях с другими иммигрантами держит несколько аптек в Бруклине. Как и все здешние приезжие, ходит под крылом демократов, голосуя на выборах за Вуда и Сеймура. Кажется, в прежние годы у него имелось какое-то имущество в Польше, но в силу некоторых обстоятельств, о коих, наверно, вы можете догадаться, оно перешло в казну. Сейчас ему около пятидесяти лет, из них не менее тридцати пяти он провёл в изгнании. Картина проясняется?

– Вы хотите сказать, что он – один из тех смутьянов, которые поднимались против нас в тридцатом году? – медленно спросил Костенко.

– Вполне вероятно. Или их дипломатический представитель за рубежом. – Он посмотрел на задумчивое лицо Костенко и ухмыльнулся. – Промашку вы дали, Семён Родионович, что и говорить. Раньше наши с вами секреты знал только госсекретарь и пара членов правительства, а теперь о них узнают все местные поляки. Поздравляю вас.

Костенко сокрушённо развёл руками.

– Но ведь не факт, что Твид расскажет об этом Моравскому.

– Не факт. Но советую вам сразу готовиться к худшему.

И, оставив пригорюнившегося Костенко, Стекло повернулся к Лесовскому.

– Адмирал, вам я также не советую слишком сближаться с Таммани-Холлом. Его обитатели – прожжённые интриганы и циники. Впрочем, как любые политики в Штатах. Они будут рассуждать о прекрасных вещах, клясться в вечной дружбе, но про себя думать лишь о том, как использовать вашу эскадру в своих целях...

– Вы напрасно предупреждаете меня, барон. Из нашей короткой беседы я уже понял, что за фрукт этот Твид, и вовсе не собираюсь идти у него на поводу.

– Я рад, что мы поняли друг друга.

Лесовский пригубил вина и отошёл к группе русских офицеров.

– А вы-то сами в каких отношениях с Твидом? – хмуро спросил Костенко.

– В сугубо деловых, если вас это интересует.

– Поприветствовал он вас очень даже тепло.

– Что с того? У меня здесь немало друзей. Впрочем, как и среди республиканцев.

– И всё же я думаю, что Твиду невыгодно натравлять на меня поляков, – помедлив, сказал Костенко. – Его партия, судя по всему, люто ненавидит европейские державы, а это идёт вразрез с интересами мятежников...

Он проговорил это с удивительным хладнокровием. Вероятно, на него произвела впечатление невозмутимость барона, иначе Семён Родионович никогда бы не отважился обсуждать столь деликатные вещи под носом у американцев.

– Может, идёт, а может, и нет, – ответил посол. – Давайте сменим тему. Всё-таки мы в самом сердце Демократической партии. Не слишком любезно судачить о гостеприимных хозяевах, пользуясь их незнанием нашего языка.

Они замолчали и не проронили больше ни слова до тех пор, пока к ним снова не подошёл Твид.

– Я поговорил с Оделлом, – сообщил он Костенко. – Думаю, что в самые ближайшие сроки он инициирует запрос о польских капёрах. Шансы на успех невелики, но они есть. Так просто люди из правительства не отделаются.

Стекло вдруг хлопнул себя по лбу.

– Чуть не забыл! Уильям, жена интересуется, кто вам готовит устриц. Они изумительны. Я не ел таких устриц даже в Париже, а там знают толк в еде.

Твид улыбнулся и пустился в долгие рассуждения об устрицах. Костенко счёл момент подходящим, чтобы улизнуть.

Банкет закончился ближе к полуночи. Весёлые полупьяные офицеры группами по пять-шесть человек выходили на освещённую фонарями улицу и, поддерживаемые услужливыми неграми, карабкались в экипажи. Погода стояла тёплая, хотя с океана задувал прохладный ветерок. Твид долго не отпускал Стекла, дискутируя с ним на тему о достоинствах ирландского виски. Оба – посол и политик – были здорово подшофе, что, впрочем, лишь придавало милую пикантность ситуации, нисколько не компрометируя их в глазах окружающих. Барон был уже без бабочки, в расстёгнутом фраке. Твид, держа одну руку в кармане, другой то и дело похлопывал Стекла по плечу и заливался хохотом. Всем было очень хорошо.

Костенко, двигаясь к выходу, развязно объяснял Вуду суть русско-английских осложнений на Кавказе и доказывал преимущество российской системы колониального управления

перед европейской. Речь его лилась легко и свободно, как будто не было перед тем пары десятков тостов и стремленной рюмки ликёра. Он вышел на улицу, вдохнул свежий воздух, обменялся прощальным рукопожатием с Вудом и хотел уже направиться к коляске, как вдруг к нему подошёл какой-то мальчуган лет пятнадцати.

– Мистер, это ваш человек лежит там за углом?

– Что? – вздрогнул Семён Родионович.

– Там, – мальчишка махнул куда-то вдаль. – Лежит какой-то офицер. Перебрал, видно.

– Где? Не вижу.

– Пойдёмте, я покажу.

Костенко озабоченно поспешил за пареньком, пытаясь собрать вместе разрозненные мысли. Как видно, атмосфера праздника и винные пары всё-таки не прошли для него даром, иначе он сто раз бы подумал, прежде чем идти за странным мальчишкой. Но тот вынырнул столь неожиданно, что у Костенко не было времени подумать.

Отдалившись от дома шагов на сто, Семён Родионович забеспокоился. Он заметил, что мальчишка словно бы нарочно уводит его в тень.

– Ну, где же этот офицер? – нетерпеливо спросил Костенко.

– Ещё немного, сэр. Вон там, – мальчишка неопределённо махнул куда-то вдаль.

Семён Родионович колебался, раздираемый желанием вернуться и рассказать всё адмиралу, но побоялся проявить слабость перед маленьким нью-йоркцем, и покорно поплёлся за ним. Мальчишка свернул в одну из боковых улочек, и, едва уютный фасад Таммани-Холла скрылся из глаз, остановился. Сунув руки в карманы, он повернулся к Костенко и хитренько посмотрел на него.

«Куда ты меня привёл, паршивец?» – хотел было спросить Семён Родионович, но тут кто-то сильно ударил его по затылку. Костенко рухнул как сноп и потерял сознание.

Фолсом – городок в самом сердце Калифорнии. Своим существованием он обязан золотодобытчикам, промышлявшим в горах Сьерра-Невада лет двадцать назад. Первоначальное его название было Гранитный город, хотя гранита в нём не было ни грамма. Основная масса фолсомских построек, как повсюду на Диком Западе, была деревянная, за исключением церкви, возведённой из белого известняка и глины. На главной улице преобладали изящные двухэтажные домики с террасами и балконами, остальная часть города была застроена неказистыми дощатыми хибарами, конюшнями и сараями. Основной достопримечательностью города был вокзал, и даже не сам вокзал, а железная дорога, соединявшая Фолсом с Сан-Франциско. Этим атрибутом цивилизации, построенным чуть более десяти лет назад, жители так гордились, что даже переименовали город в честь человека, проложившего ветку – миллионера Джозефа Фолсома.

Население городка очень изменилось со времён «золотой лихорадки». Рудокопы уступили место скотопромышленникам и железнодорожным рабочим, по городу бродили ковбои с пистолетами в кобурах, импозантные мужчины в чёрных фраках, клерки в пропылённых рубашках и штанах на подтяжках. Война добавила к ним пару сотен солдат и офицеров, круглосуточно патрулировавших окрестности города. Немало было также женщин, сидевших под навесами с вязаньем в руках, пивших чай с подругами или гулявших по главной улице, кокетливо крутя солнечными зонтиками. Хватало и проституток.

Штейн и Чихрадзе высадились на фолсомскую землю в три часа пополудни вместе с оравой фермеров и солдат. Первоначальным их намерением было отправиться на станцию дилижансов, но пристальный взгляд американского офицера заставил русских путешественников слегка изменить планы, явившись в комендатуру.

– Вот ещё – слушаться этого барана! – ворчал Чихрадзе. – Наплюём на него. Что он нам сделает? Мы – иностранные подданные.

– Он может посадить нас под арест на несколько дней. К чему портить отношения с властями? – резонно возражал Штейн.

– Всё равно он не станет проверять. Посмотри, сколько военных кругом. Ему сейчас не до нас.

Отметимся, ничего страшного. Заодно отправим телеграмму в Нью-Йорк.

Офицер в комендатуре долго и с недоверием рассматривал их паспорта, затем переспросил:

– Так вы хотите добраться до Нью-Йорка?

– Совершенно верно, – ответил Штейн.

– Советую вам ехать с оказией. Иначе можете столкнуться с южанами или бандитами.

Они церемониться не станут.

– А когда отправляется оказия?

– Как поступит приказ.

– Ясно.

Они вышли из комендатуры и остановились в задумчивости.

– Вот такие дела, – сказал Штейн, передав Чихрадзе свой разговор с офицером. – Как поступим?

– Ждать нельзя, – заявил гардемарин. – Может, эта оказия будет через месяц! Не пускать же нам здесь корни.

– Опасно, – с сомнением заметил лейтенант.

– Ничего не опасно. Этому бумагомараке нужно было пострадать тебя для порядка, чтобы не иметь нагоняев от начальства. А наша обязанность – передать Лесовскому пакет. Вот от этого и будем отталкиваться.

– Отчаянная ты башка, Давид! Впрочем, наверное, ты прав.

Они зашли на почту и отправили две телеграммы – одну в Сан-Франциско, с сообщением о своём прибытии в Фолсом, другую – в Нью-Йорк, информируя Лесовского о своих планах. Затем устремились на станцию.

– Как нам лучше добраться до ближайшей железной дороги? – обратился Штейн к кассиру.

Тот снисходительно посмотрел на них поверх замызганных очков.

– Иностранцы?

– Да.

– Куда вам нужно?

– В Нью-Йорк.

Кассир почесал нос.

– Ближе всего Рок-Айленд, штат Иллинойс. Кабы не война, я бы посоветовал вам ехать туда напрямик через Неваду и Юту. Но сейчас на дорогах разбойничают южане, поэтому многие едут в обход через Орегон.

– Это сильно удлинит нам путь?

– Весьма. Зато останетесь целы.

– То же самое говорил лейтенант в поезде, – сказал Штейн своему напарнику, отходя от кассы.

Светило жаркое сентябрьское солнце. В воздухе висела удушливая пыль. Возле станции, прислонившись спинами к деревянной стене, дремали люди в пончо и конусовидных китайских шляпах. Невдалеке стоял дилижанс. Возле него, опершись ладонью о высокое колесо, скучал какой-то старик в клетчатой рубаше и потёртых шерстяных штанах. Длинные седые усы его уныло свисали на подбородок.

– Глянь-ка, – сказал Чихрадзе. – Наверно, это возница. Давай спросим его о дороге.

– Зачем? Нам уже всё объяснили.

– Ты веришь этим чинушам? Они боятся нос высунуть из этой дыры. Откуда им знать, что творится в Иллинойсе?

– Неуёмный грузин, – усмехнулся Штейн.

Он подошёл к человеку и, поприветствовав его, спросил, можно ли проехать нынче в Иллинойс.

– Эка махнули! – ответил старик. – Почём я знаю?

– Но вы ведь возница этого дилижанса, не так ли?

– И что с того?

– Неужели вы не знаете дорогу?

– Я дальше Элко не езжу.

– Что это – Элко?

– Городишко на реке Гумбольдта, что раньше называлась рекой Огден.

– Это нам ни о чём не говорит.

Старик флегматично пожал плечами.

– Мне ваш вид тоже ни о чём не говорит.

– Мы – иностранцы, нам нужно попасть в Нью-Йорк.

– Далековато вы собрались, – он помедлил, разглядывая напряжённое лицо Штейна. – Элко вам по пути будет. Это миль шестьсот отсюда, по ту сторону Сьерра-Невады.

– Нам сказали, что там полно южан.

– Кто сказал?

– Офицер в поезде и кассир.

– Много они знают, – проворчал старик. – Езжу туда каждый месяц, никаких южан не видел.

– А далеко оттуда до Иллинойса?

– Порядком. Да и не знаю я пути в Иллинойс... Из Элко можно добраться до Форт-Халла. А оттуда, я слышал, начинается прямая дорога на Индейскую территорию.

– Нам не нужна Индейская территория. Нам нужен Рок-Айленд на Миссисипи.

– Индейская территория, Рок-Айленд – какая разница? Не заплутаете. Все золотодобытчики ехали сюда через Юту. Самая короткая дорога. Другой на восток нет.

– Там ходят дилижансы?

– Наверное, – ответил старик. – Не все же на своих двоих притопали, – он захихикал, очень довольный своей шуткой.

– Ну и что нам делать? – спросил Штейн у Чихрадзе, закончив расспросы возницы.

– Если, как он говорит, это самая короткая дорога, нам она подходит. К чему тащиться в какой-то Орегон? Но прежде надо выяснить, ходят ли там дилижансы. И где находится эта чёртова Индейская территория.

За ответами они вновь пошли к кассиру.

– Да, там проходит несколько маршрутов, – сказал тот. – Индейская территория граничит с Айовой, а та в свою очередь – с Иллинойсом. До войны там действительно пролежала самая оживлённая трасса, но теперь она изрядно поредела. Люди стараются держаться подальше от театра боевых действий.

– Небось не тронут, – проговорил Чихрадзе, которому Штейн перевёл его слова.

Они помолчали, взвешивая все плюсы и минусы такого выбора. Затем Чихрадзе подытожил:

– Решено. Едем, как сказал этот дед. Он – местный, я доверяю ему.

– Мне бы твою уверенность, – пробормотал Штейн.

Они купили два билета до Элко, и вернулись к вознице.

– Когда отправляемся?

– Да хоть сейчас. Будете садиться?

– Всенепременно.

– Багаж не везёте?

– Нет. Всё нужное при нас.

Они забрались в огромный пустой экипаж и переглянулись.

– А что, других пассажиров нет? – крикнул Штейн сквозь стену.

– Заберём по дороге. Если бог даст, – раздался глуховатый голос возницы.

Эта оговорка их изрядно озадачила.

– Разве пассажиры не должны собираться на станции? – громко спросил Штейн, слыша, как возница карабкается на козлы.

– Мёртвому ослу уши они должны, – ворчливо ответил тот. – На станции только бездельники толкуются. Серьёзным людям здесь нечего делать.

Поделившись с ними этой житейской мудростью, он тронул поводья.

– Н-но, пошли! Застоялись, родимые. Пора размяться.

Дребезжащий дилижанс выкатился на улицу.

– Не нравится мне это, – сказал Штейн.

Чихрадзе не ответил. Он отвернулся к окну и сдвинул свои кавказские брови.

Прежде чем они покинули городскую черту, в экипаж загрузилось ещё три пассажира – молодые парни в потрёпанной одежде, с загорелыми руками и небритыми физиономиями. У одного из них на голове красовался лихо сдвинутый набок котелок с провалившейся верхушкой. Двое имели при себе замызганные порвавшиеся саквояжи, у одного был объёмистый узел, который возница забросил на крышу. Больше в дилижанс никто не сел. Это насторожило Штейна, который начал подозревать возницу в каких-то недобрых замыслах. У него не выходили из головы рассказы о южных разбойниках, которыми так обильно потчевали их в Фолсоме. Странное нежелание жителей городка ехать через Сьерра-Неваду показалось ему теперь более чем разумным, а отрешённый вид Чихрадзе заставлял думать, что тот мучается подобными же мыслями.

Американцы тем временем перезнакомились друг с другом, и начали приставать к русским, требуя назвать себя. Штейн неохотно назвал своё имя и имя своего напарника, что вызвало бурю восторга у спутников. Немедленно начались расспросы. Штейн, боясь разболтать цель своего путешествия, всё время косился на мрачного Чихрадзе, словно ища у того заступничества. Суровый грузин своим непреклонным видом действовал на него отрезвляюще, словно ушат холодной воды. К счастью, американцы не слышали о русских эскадрах, и лейтенант был избавлен от необходимости придумывать изворотливую ложь. Стоило ему сказать «коммерческая тайна», как вопросы касательно его миссии мгновенно утихли.

Мило беседуя, они пересекали Центральную равнину. Местность становилась всё более холмистой, тут и там попадались выветренные скалы, гигантскими обелисками торчавшие из земли; бескрайние поля постепенно сменялись сосновыми рощами. Выйдя из дилижанса во время ужина, Штейн заметил на горизонте сплошную цепь лесистых гор.

– Это Сьерра-Невада? – спросил он возницу.

– Да.

– Когда мы будем там?

– Завтра к вечеру.

Располагаясь на ночлег, Штейн сказал товарищу:

– Не нравятся мне эти типы. У одного из них я заметил пистолет под рубахой. Будет лучше, если мы установим дежурство. Сначала буду сторожить я, потом – ты.

– Ты прав, – ответил Чихрадзе. – Во сколько смена караула?

– В три. Заодно поговорю с хозяином дилижанса. Может быть, мне удастся вызвать его на откровенность.

– Идёт.

Чихрадзе отправился на боковую, а Штейн попытался разговорить возницу. Впрочем, тот и сам рад был поболтать. Они засиделись до полуночи. Хозяин долго рассказывал лейтенанту о своей семье и внуках, о поездке в Солт-Лейк-Сити пятнадцать лет назад; о двух лесных пожарах, свидетелем которых он был. Штейн и не заметил, как сам чуть не начал открывать ему душу. Вовремя спохватившись, он вдруг почувствовал непреодолимую сонливость, явившуюся следствием внутреннего успокоения. Безмятежность, охватившая его, развеяла старые страхи, размеренный голос возницы наполнил сердце уверенностью в благополучном окончании путешествия. Скоро он уже ощущал дружеское участие в жизненных неурядицах этого человека, его собственные тревожения показались ему смешными и даже наивными. Возница, однако, быстро вернул его к действительности.

– В горах-то костёр уже не разожжёшь – опасно! Индейцы заметят или, того хуже, грабители. Когда золото там мыли, вроде навели порядок. У горнодобытчиков разговор был короткий – петлю на шею или пулю в бок. А сейчас, как жилы иссякли, опять беспокойно стало.

– Неужели индейцы? – спросил Штейн с замиранием сердца.

– А как же! Когда-то проходу от них не было. Таскали всё подряд, даже коней угоняли. Бывало, и убивали кое-кого. Бандитский народ!

Предвкушение от встречи с индейцами глубоко взволновало Штейна. Неужели он, зачитывавшийся когда-то романами Фенимора Купера, увидит собственными глазами то, что видел Натаниель Бампо: индейцев, прерии, скалистые горы?.. Неужели он будет дышать воздухом, которым дышал Следопыт, пройдёт теми тропами, которыми тот ходил? Упоённый и восторженный, он пожелал вознице спокойной ночи и отправился спать.

Утром его растолкал взбешённый Чихрадзе.

– Дрыхнешь? А меня разбудить забыл?

Штейн сел на пропитанном росой соломенном мешке, спросонья протёр глаза.

– О чём ты?

– О нашем дежурстве. Мы же договаривались.

– Ах это... Оно ни к чему.

– То есть?

– Старик неопасен.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– А эти трое? – он кивнул на просыпающихся пассажиров.

– Не знаю... Но ведь они спали.

– Сегодня спали, а завтра приставят тебе нож к горлу.

– Почему ты так плохо думаешь о людях?

– Потому, что я помню о нашем задании. Мне вовсе не хочется кончить жизнь где-нибудь под кактусом с перерезанной глоткой. Ты, наверное, забыл, что мы везём с собой изрядную сумму денег. Неужели ты думаешь, что эти парни будут и дальше мило улыбаться тебе, если прознают об этом?

– А они прознают?

– Несомненно, если ты будешь целыми днями болтать с кем попало и спать без задних ног.

– Ладно, – хмуро бросил Штейн. – Не скандаль. Я понял. Между прочим, я старший по званию и ты нарушаешь субординацию. Умерь тон.

– Слушаюсь, ваше благородие, – грузин издевательски отдал честь и удалился.

После полудня местность начала всё отчётливее принимать гористый характер. Луга отступали, их место занимали каменные проплешины и глубокие разломы в земле, равнина пошла буграми, за стеной леса на горизонте уже можно было разглядеть снежные вершины. Всё

чаще на берегу быстрых ручьёв встречались заброшенные хижины и ржавый инвентарь золотодобытчиков. Штейн жадно разглядывал всё это, возбуждённо толкая в бок своего товарища.

– Гляди! Это же следы «золотой лихорадки». Я читал о ней в газетах, но не предполагал, что увижу собственными глазами. Потрясающе!

Чихрадзе вовсе не находил это потрясающим. Он был насуплен и молчалив. Впрочем, говорить ему особенно было не с кем. Американцы в основном болтали друг с другом или со Штейном; мрачный вид грузина отпугивал их. Однако в глубине души он тоже чувствовал какое-то воодушевление. На нём сказывалось приближение гор. Выходя из дилижанса, чтобы облегчиться, он невольно обращал взор на восток, словно ища там ободрение.

– Ну что, похоже это на Кавказ? – со смехом спросил его Штейн.

– Немного.

Он не расположен был говорить. Восточная невозмутимость принуждала его сохранять на лице бесстрастность, хотя душа закипала.

Штейн тем временем озаботился одеждой. С беспокойством глядя на снежные пики, он поинтересовался у возницы, на какой высоте они поедут.

– Пойдём по тропе Доннера, – ответил тот. – Сейчас сентябрь, там должно быть тепло и сухо.

– А если будет сыро и холодно?

– У меня есть несколько пончо. Они согревают не хуже меховых курток.

Штейн пересказал всё это Чихрадзе.

– Вообрази себе, мы будем в пончо! Как в аргентинских прериях.

– Пончо? Это такие одеяла с дыркой для головы? Убогий наряд.

– Ты не исправим.

К вечеру они добрались до отрогов Сьерра-Невады. Возница остановил коней возле какой-то покосившейся лачуги и объявил, что здесь они заночуют.

Чихрадзе сказал Штейну, разминая затёкшие ноги:

– Сегодня я буду дежурить первым. Разбужу тебя в три ночи, так и знай.

– Ладно, ладно, – проворчал лейтенант.

Он и сам чувствовал стыд от своего легкомыслия. Обдумав свой ночной поступок, он пришёл к выводу, что Чихрадзе был прав. Доверчивость, которой Штейн проникся к вознице, казалась ему теперь каким-то недоразумением, временным помрачением ума. Он вспоминал свои недавние разговоры с другими пассажирами и поражался собственной беспечности. Сколько лишнего он наговорил! Наверняка американцы приняли русских за каких-то негоциантов, представителей богатой фирмы, и конечно же имели все основания предполагать, что в карманах у тех были не только носовые платки.

Однако опасность пришла откуда не ждали. Ночью Штейн вдруг услышал громовой звук выстрела и вскочил, испуганно озираясь во тьме. Послышались возбуждённые голоса соседей, кто-то зажёл спичку. В пляшущем кругу света проступило лицо Чихрадзе с выпученными глазами. В руке он держал пистолет.

– Что случилось? – спросил старик.

Грузин перевёл взгляд на Штейна.

– Кто-то скрёбся и ворчал за дверью. Кажется, медведь.

– Чепуха. Откуда здесь медведи? – возразил лейтенант.

– Не знаю. Но звук был именно такой.

Штейн перевёл взгляд на возницу.

– Он говорит, что за дверью скрёбся медведь.

К его удивлению старик не засмеялся. Он осторожно вытащил из поясной кобуры блестящий кольт, взвёл курок и тихо подошёл к двери. Прислушался, резко толкнул дверь ногой и выставил пистолет вперёд. Пассажиры молча наблюдали за ним. Спичка погасла, один из

американцев зажёл новую. Возница вышел наружу и повернул за угол. В дверном проёме виднелись очертания чахлах сосен, уродливыми призраками застывшие в свете неполной луны. Слышалось журчание ручья. Старик медленно обходил хижину вокруг, под ногами его тихо хрустели мелкие камешки. Штейн с натугой вздохнул. Чихрадзе недвижимо сидел возле входа, держа револьвер стволом вверх. Рот его был приоткрыт, грузин часто дышал, не сводя взгляда с дверного проёма.

Старик вернулся.

– Твой напарник не ошибся, – сказал он лейтенанту, засовывая револьвер в кобуру. – К нам приходил медведь. – Он повернулся к Чихрадзе. – Только зря ты палил, парень. Достаточно было громко крикнуть – барибалы пугливы, как зайцы, и удирают со всех ног от малейшего шороха. Напрасно потратил пулю.

– Учту на будущее, – буркнул грузин, выслушав перевод Штейна.

Всех развлёк этот случай. Американцы отпустили по адресу гардемарина несколько острот, Штейн тоже не остался в стороне, так что все остались очень довольны произошедшим. Все, кроме Чихрадзе. Его горячая кавказская кровь клочкотала и требовала отмщения.

На следующий день они начали подниматься на Сьерра-Неваду. Сосны становились всё гуще, ущелья – всё глубже, ручьи – всё полноводнее. Со стороны снежных вершин ощутимо повеяло холодом. Дорога вилась меж разломов и скал, пересекала неглубокие стремнины. Иногда на пути встречался обвал и тогда приходилось искать объезд.

– Неужели это главный путь в Калифорнию? – спрашивал Штейн у возницы.

– Он и есть, – не без гордости промолвил тот. – Видишь, как дорогу утоптали? Лет двадцать пять назад здесь был сплошной бурелом.

– Я слышал, мистер Линкольн решил проложить в Сан-Франциско железную дорогу, – заявил один из американцев. – Вот жизнь-то будет!

– Проложат они, как же, – ворчал старик. – Держи карман шире. Растащат наши денежки, и поминай как звали.

– Боишься потерять выгодное дело? – смеялся парень. – Железная дорога отнимет у тебя заработок. С ней ты уже не сможешь драть с пассажиров три шкуры.

– А поезд, думаешь, будет дешевле? – озлился старик. – Вот погоди – придут иные времена, вспомнишь меня. Как начнёт в карманах ветер гулять, сунешься на станцию, а дилижансов-то нет. Все повывелись из-за поездов этих.

Так, подтрунивая над возницей, они поднимались всё выше и выше. Однажды им встретилась роща каких-то гигантских деревьев, при виде которых даже Чихрадзе сбросил свою всегдашнюю невозмутимость и потрясённо спросил:

– Это что такое?

– Секвойи, – объяснил ему Штейн. – Ты не слышал о них? Самые большие деревья на свете.

– Это не деревья... – пробормотал изумлённый грузин. – Это... это... я даже не знаю как назвать.

Он запрокинул голову, пытаясь разглядеть верхушки гигантов, но те были скрыты в густых ветвях.

– Внутри этих громадин может поместиться всё наше село и два соседних. Если я расскажу об этом своим землякам, они поднимут меня на смех.

Они не стали надолго останавливаться в роще и продолжили свой путь. К вечеру сильно похолодало. Старик раздал всем пончо, но костёр разжигать не стал.

– Не хватало нам гостей, – сказал он. – Индейцы чуют огонь за десять миль и слетаются на него, как мошкара.

Штейн в принципе ничего не имел против индейцев, но с возницей решил не спорить. Тот был местный и, конечно, лучше знал местные нравы.

Скоро они достигли высшей точки маршрута и начали спускаться. Деревья почти исчезли, местность выглядела совершенно мёртвой. Один только раз Штейн заметил на вершине одной скалы горного барана. Он хотел подстрелить его развлечения ради, но зверь, покачав ветвистыми рогами, быстро исчез. Наверно, он уже сталкивался с людьми и не горел желанием продолжить знакомство. Лейтенант мог его понять.

Он заметил, что американские спутники его вдруг резко замолчали и неотрывно глазели вокруг. Было довольно зябко, дилижанс ехал по каменному серпантину, нещадно громяхая рессорами. В голые овраги скатывался щебень, выскакивавший из-под колёс.

– Мы на тропе Доннера, – сообщил ему один из парней, заметив любопытство в его глазах.

– Что это такое?

– Здесь зимовала партия Доннера. Туго им пришлось. Из девяноста человек выжило от силы пятьдесят.

– Остальных съели, – криво усмехнулся другой американец.

– Вы шутите?

– Вовсе нет. Так и было.

Штейн перевёл недоумённый взгляд на первого парня.

– Верно, – подтвердил тот. – Жуткие дела тут творились, что и говорить.

Он застучал в стенку экипажа.

– Эй, Джо, расскажи им о партии Доннера.

Возница молчал, но парень был упорен. Наконец, старик откликнулся:

– Чего орёшь?

– Расскажи о партии Доннера.

Старик опять не ответил. Некоторое время они ехали молча, затем Штейн не выдержал:

– Так они в самом деле ели друг друга?

Он проговорил это таким голосом, словно боялся, что его засмеют.

– Жрали будь здоров, – подтвердил третий парень.

– Почему?

– Голодные были.

Лейтенант умолк и больше ничего не говорил. Эта история показалась ему настолько невероятной, что он решил не прояснять подробностей, пока спутники сами не захотят прояснить его.

Часа через два они остановились на обед. Ели холодное мясо и овощи. Уплетая кусок солонины, возница вдруг произнёс:

– Они сами виноваты. Нечего было лезть в горы в конце ноября.

– О чём вы? – спросил его Штейн.

– О партии Доннера. Кто же идёт на перевал глубокой осенью?

Все уставились на него, понимая, что старик наконец-то развязал язык. Но возница опять замолчал, и тогда один из американцев подбодрил его:

– Ну же, Джо, не тяни. Ты ведь видел их, правда?

– Видел, – признался возница. – Ужасная была картина. Худые как скелеты, с белыми обмороженными лицами, не люди – призраки. Мужчин почти не было, одни женщины и дети. С огромными глазами, трясущиеся как в лихорадке и всё время открывавшие рты, словно им не хватало воздуха. Их увезли в фолсомскую больницу, а оттуда, говорят, в Сан-Франциско. Ходят слухи, что кое у кого из них помутился рассудок. Несчастные чада божьи... Доннер виноват в их судьбе. Кто просил его соваться в Сьерра-Неваду накануне зимы?

– Я слыхал, среди них было два индейца, – вставил один из парней. – Может, те нарочно завели их в ловушку, чтобы полакомиться человечинкой? – он лукаво подмигнул, находя это, видимо, забавным.

– Этого я не знаю, – сказал хозяин дилижанса. – Зато мне известно, что обоих индейцев сожрали белые люди. Такие как ты и я.

– А что с ними церемониться? Индейцы – тот же скот.

Штейна передёрнуло от такого заявления. Он покосился на возницу, но тот оставался спокоен. Повисла пауза. Затем другой пассажир заметил:

– По мне, любой, кто опускается до каннибализма, становится вровень с дикарями.

Старик усмехнулся.

– Ты просто никогда не голодал. Не знаешь, что это такое – когда живот крутит от спазмов, а в голове лишь одна мысль: найти еду. Тут не только индейцев, но и собственное дерьмо жрать начнёшь.

– А ты, видно, голодал, Джо?

– Случалось.

– Так сильно, что мог съесть человека?

– Господь миловал. Но варёные шкуры грыз за милую душу.

Все опять замолчали. Затем Штейн спросил:

– Как же они дошли до такого?

– Люди Доннера? – переспросил один из парней. – Попали в снежный капкан. Верно, Джо?

– Я говорил с одним своим приятелем, Джеком Талботом из Сакраменто, – сказал возница. – Он был в спасательной экспедиции. Рассказывал, что когда они нашли первый лагерь, то должны были откапывать живых из-под снега, где те лежали вперемешку с трупами. Кажется, пилигримы пытались сделать что-то вроде вигвамов из шкур, но их быстро разметало ветром, а шкуры пошли на еду. Услышав крики спасателей, люди Доннера начали по одному вылезать из своих снежных нор, и женщина, первой увидевшая свет божий, сказала: «Господь Вседержитель! Кто вы – люди или ангелы, явившиеся по наши души?». Джек с ребятами забрал женщин и детей, а остальных обещал взять по возвращении. В другом лагере, как ему говорили знакомые, люди сидели спинами друг к другу и просто ждали смерти. У них не было ни шкур, ни хвороста, ничего. Когда их нашли, почти все уже были мертвы, лишь несколько полуживых ещё дышало, примёрзнув к покойникам. Их клали по одному в сани как дрова и отогревали. Дальше всех был лагерь, который разбил сам Доннер. Его и нашли позже всех. Их лидер к тому времени уже сдох – на своё счастье, иначе несдобровать бы ему – а оставшиеся в живых ползали посреди обломков хижин, подъедая трупы товарищей. Ту же картину, как сказал мне Джек, он увидел и в первом лагере, когда вернулся туда. Вот так всё было.

– Ты забыл ещё о тех, которые отправились за помощью, – промолвил один из американцев.

– Да. Из двух десятков уцелело всего девять, остальных сожрали, – сказал хозяин дилижанса.

– Неужели всех? – ахнул Штейн.

– Всех, – уверенно подтвердил возница. – Нарочно убивали товарищей, чтобы съесть.

– Ублюдки, – с отвращением произнёс кто-то из парней.

– Как сказать! Убивали-то только мужчин. Женщин не трогали.

– Благородство людоедов, – фыркнул кто-то.

– Значит, женщины ели человечье мясо вместе с остальными? – ужаснулся Штейн.

– А как же? Ели. Ещё небось и готовить помогали.

Лейтенант вдруг ощутил комок в горле. Уши его зазвенели, тело наполнилось странной слабостью. Он подумал, что сейчас потеряет сознание. Быстро отведя взгляд, он глубоко задышал и попытался прийти в себя.

– Что это ты так побледнел? – заметил возница. – Дурно стало от наших рассказов, хе-хе?

– Д-да, – выдавил Штейн. – Я сейчас...

Он вскочил и бросился за выступ скалы. Его вырвало, глаза заволокло кровавой пеленой. В голове неотступно звучали слова старика: «Ещё небось готовить помогали». Смешок, которым возница заключил эту фразу, казался ему ужаснее самой фразы. Его трясло от омерзения при мысли, что где-то здесь люди ели друг друга и даже, возможно, выбирали лучшие куски, а домовитые жёны кормили этим блюдом детей. Смириться с этим было выше его сил.

Обеспокоенный его долгим отсутствием, Чихрадзе отправился на поиски лейтенанта. Он застал его возле скалы, бледного, тяжело дышащего, невидящим взором смотрящего вдаль.

– Как ты?

– Уже лучше, – прохрипел Штейн.

– Сможешь идти?

– Вполне.

Вдвоём они вернулись к остальным. Американцы насмешливо посмотрели на слабосильного русского.

– Пожалуй, я пойду в дилижанс, – пробормотал Штейн, уязвлённый этими взглядами.

– Да и нам пора, – подытожил возница, вставая.

Все поднялись и, вытерев руки, направились к экипажу.

По мере того, как дилижанс спускался в долину, природа становилась всё богаче. Земля покрывалась разноцветьем, обочины дороги зарастали соснами и можжевельником. Опять начало пригревать солнце, его лучи словно растапливали сердца путешественников, озаряя радостью их лица. Один из американцев запел лёгкую песенку:

Прибыл я из Алабамы
с банджо за плечами,
Еду я в Луизиану,
пусть любимая встречает.
Дождь всю ночь хлестал, а днём
перестало капать;
Было жарко, я же мёрз;
Сюзанна, хватит плакать.

О, Сюзанна, ты не плачь,
Ведь я здесь с тобою,
С банджо за спиною.

В другую ночь мечталось мне,
когда луна светила,
Что девушка моя на холм
стремительно всходила.
Меня увидела, но слёзы
продолжали капать.
Я сказал: «Ведь я с тобой!
Сюзанна, хватит плакать».

Буду в Новом Орлеане
и тебя найду я,
И немедля пред тобой
колени преклоню я.
Ну а если не найду, и дождь

продолжит капать,
Пусть уж лучше я умру;
Сюзанна, хватит плакать.

Полные светлых ожиданий, они ехали навстречу солнцу, навстречу теплу, и, как ни печально, навстречу войне. Из русских газет офицеры уже знали, что за последние месяцы северяне добились крупных успехов в борьбе с сепаратистами: отразили наступление генерала Ли под Геттисбергом, взяли Висксберг на Миссисипи и отрезали южные штаты от Техаса и Дикого Запада. Однако прочность этих завоеваний была пока сомнительна, повсюду свирепствовали партизаны, а на территории племён полыхала настоящая индейская война.

Учитывая всё это, русские не рассчитывали добраться до Нью-Йорка без приключений, прекрасно понимая, что по мере приближения к эпицентру боевых действий количество непредвиденных препятствий будет возрастать. Но они никак не думали, что первое препятствие возникнет уже в Неваде. Заворожённые авторитетом возницы, офицеры рассматривали земли, непосредственно примыкавшие к Калифорнии, как островок мира среди стихии войны. Это убеждение разделяли и их спутники-американцы. По всему было видно, что те вовсе не опасались южан. Спрошенные Штейном, что они думают об этом, парни лишь усмехнулись, показав на пустые карманы. Отсутствие средств делало их бесстрашными. Русских, конечно, такой довод не слишком утешал, но и они пребывали в спокойствии, твёрдо веря в слово хозяина дилижанса. Как оказалось, напрасно. Ещё не спустившись с гор, на очередном изгибе лесной дороги путешественники угодили прямоком в засаду.

С двух сторон из-за деревьев выскочило несколько человек с ружьями, двое из которых схватили под уздцы лошадей, а остальные наставили стволы на возницу и пассажиров.

– Выходи по одному, – раздался грозный приказ, как только дилижанс остановился. – И без шуток!

Чихрадзе и Штейн переглянулись.

– Вот тебе и безопасная трасса, – горько проронил лейтенант.

Распахнулись дверцы экипажа, в проёме показались небритые люди в широкополых шляпах, с ружьями наперевес. Среди них не было ни одного в мундире или с каким-то знаком отличия, и это наводило на мысль, что нападавшие принадлежали к славному братству разбойников с большой дороги. Один из американцев встал и, подняв руки, направился к выходу, на мгновение заслонив собой проём. Этого мига Чихрадзе оказалось достаточно, чтобы сориентироваться в обстановке. Он выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в сторону нападавших. Тут же раздалась ответные выстрелы, американец, продырявленный в живот и грудь, рухнул на пол, громко крича и корчась от боли. Повозка дёрнулась, пассажиры попадали друг на друга. Возница издал яростный вопль, лошади рванулись вперёд. Вслед им защёлкали выстрелы. Дилижанс трясся и подпрыгивал на ухабах, пассажиров швыряло от стенки к стенке, они ругались на четырёх языках, едва успевая хвататься за ушибленные места. Раненый выл и плакал, истекая кровью, возница то и дело свистел, подхлёстывая лошадей. Вдруг экипаж начал резко тормозить и, наконец, совсем остановился. Путников с силой вжало в переднюю стенку. Дверь распахнулась, хозяин дилижанса торопливо замахал рукой.

– Вылезайте, быстро. Надо развернуть повозку поперёк дороги. – Он увидел раненого и выругался. – Мать твою так, этого ещё не хватало. Вытаскивайте его.

Он убежал распрягать лошадей, а очумевшие от скачки путешественники, покачиваясь, начали по одному спрыгивать на землю. Раненого отнесли его в лесок. Тот стонал и сыпал отборнейшими ругательствами.

– Что вы делаете? – спросил у возницы Штейн, глядя, как старик уводит лошадей вглубь соснового бора.

– Ставьте дилижанс, я сейчас вернусь. Скорее же! – ответил старик.

– Не понимаю. Что он задумал? – спросил лейтенант у Чихрадзе, когда они вместе с американцами, взявшись за оглобли, принялись разворачивать повозку.

– Возводит укрепление, – усмехнулся гардемарин. – Старик не дурак. Сообразил, что далеко мы на этой колымаге не уедем – бандиты наверняка на лошадях – и решил поставить баррикаду. Сто очков ему за тактическое мышление.

Они успели как раз вовремя. Мгновением спустя на дороге показались всадники. Обороняющиеся пальнули в них несколько раз, и всадники тут же умчались, оставив одного убитого. Вернулся хозяин дилижанса. Пригибаясь, он подбежал к своей повозке и присел за колесом.

– А вы говорили, что дорога безопасна, – с укоризной сказал ему Штейн.

– Моя безопасность – мой длинный кольт. Если тебе что-то не нравится, можешь убираться на все четыре стороны.

Лейтенант побледнел от обиды.

– Что он сказал? – спросил Чихрадзе.

Штейн перевёл.

– Сволочь, ведь знал наверняка, что здесь могут быть грабители, и вешал нам лапшу на уши, – пробормотал грузин.

– Ты думаешь?

– Конечно. Посмотри на него.

Штейн бросил взгляд на возницу.

– Учтите, мы сообщили российскому послу о своём маршруте, и если с нами что случится...

– Далековато будет отсюда ваш посол, – процедил старик, не сводя глаз с дороги.

– Мы под охраной дипломатического статуса, – надменно заметил Штейн. – А вас ждут крупные неприятности. Вы лгали нам, лгали с самого начала. Как вам не стыдно?

– Не учи меня жить, юноша. Если я буду говорить всем правду, то останусь без гроша в кармане.

Один из американцев закашлялся от смеха.

– Ну и мерзавец же ты, Джо.

– Попридержи язык. Я старше тебя в два раза, щенок.

Новое появление бандитов прервало их спор. На этот раз грабители действовали осторожнее – они слезли с лошадей и начали приближаться к дилижансу короткими перебежками, прячась за стволами деревьев. Началась оглушительная стрельба, кругом засвистели пули, слышались крики раненых. Обороняющиеся подстрелили ещё двух разбойников, но и сами не обошлись без потерь – Штейн упал на землю, в его штанине чуть ниже колена зияла дыра. Сказались недостатки дилижанса – он хорошо прикрывал туловище, но оставлял незащищёнными ноги.

– Чёрт возьми, – охнул он. – Давид, кажется, меня задело.

Чихрадзе обернулся и выругался. Старик что-то сказал ему, показывая на лес.

– Ты прав, дед, – ответил грузин. – Надо его оттащить. – Он нагнулся над раненым. – Встать можешь? – Штейн решительно помотал головой. – Тогда хватайся за меня.

Он перекинул руку лейтенанта через свою шею и поволок его к ближайшим деревьям. Вдруг откуда-то из рощи раздался ещё один выстрел, и Штейн, ойкнув, уронил голову на грудь. Чихрадзе вздрогнул. Он увидел, как несколько бандитов, обойдя дилижанс с тыла, прятались за стволами сосен и что-то кричали обороняющимся. Лейтенант обмяк и не подавал признаков жизни.

– Сволочи, мерзавцы, – пробормотал гардемарин сквозь зубы.

Всё ещё держа недвижимого Штейна, он в растерянности обернулся. Его спутники стояли с поднятыми руками, их пистолеты валялись тут же в пыли. Возница что-то сказал ему, кивнув на револьвер в руке. Чихрадзе ещё раз посмотрел на разбойников, целившихся в него

из-за деревьев, и нехотя выпустил оружие. Затем осторожно положил на землю бесчувственного лейтенанта. Разбойники вышли из леса, приблизились к дилижансу, окружили его, держа на мушке защитников. Один из них собрал брошенные пистолеты, другой принялся обыскивать раненых. Ещё один подошёл к старику и заговорил с ним, недобро усмехаясь. Возница коротко отвечал, держа руки над головой. Чихрадзе скосил взгляд на Штейна. Тот лежал с опущенными веками и не дышал. «Вот и конец нашему походу», – подумал гардемарин. К нему подошёл бандит, что ранее разговаривал со стариком, и произнёс несколько слов, прищурив глаза. Чихрадзе спокойно посмотрел на него, не опуская взор. Он знал, что сейчас умрёт. Но разбойник вдруг размахнулся и ударил его кулаком в челюсть. Гардемарин упал, почувствовав, как рот его наполнился кровью. Возница что-то быстро залопотал, обращаясь к бандиту. Тот обернулся, затем с некоторым удивлением опять посмотрел на медленно поднимающегося гардемарина. Бросил короткое слово и приподнял брови как бы в знак некой озадаченности. Разбойник, обыскивавший Штейна, издал торжествующий возглас и вытащил у того из-за пазухи толстую пачку долларов. Кинул деньги своему командиру, пошарил ещё немного и извлёк большой конверт из промасленной бумаги, в котором находились карты размещения англо-французских эскадр. Начальник отобрал у него конверт, разорвал его и, достав одну из карт, в недоумении уставился на неё. Затем повернул голову к Чихрадзе. Спросил что-то, гардемарин злобно откликнулся:

– Да, сухопутная крыса, это морские карты. Тебе, остолопу, не понять.

Ответ его, как видно, удовлетворил разбойника. Он свернул карту, засунул её обратно в конверт и медленно подошёл к Чихрадзе. Возница опять что-то сказал, показывая взглядом на гардемарина. Бандит злорадно посмотрел на офицера. Произнёс несколько слов, похлопав его по плечу и ухмыляясь. Затем обошёл дилижанс и не спеша направился по дороге обратно к месту засады. Чихрадзе почувствовал, как в спину его воткнулся ствол револьвера. Приказ был понятен, и он без слов побрёл за разбойником. Обернувшись напоследок, он успел ещё заметить, как один из разбойников оттаскивает тело Штейна в лес, а остальные, смеясь, закуривают папиросы и обыскивают пленных.

Бандит отвёл офицера в лес, где шагах в ста от дороги был оборудован небольшой лагерь. Стояло пять шалашей, меж ними в центре находился потухший очаг. От дерева к дереву тянулись верёвки, на которых сушились портки. Чуть поодаль, привязанные к стволам мохнатых сосен, переступали с ноги на ногу лошади. Их было немало, десятка три, что говорило о значительной численности отряда. Навстречу прибывшим вышло несколько человек. Командир отдал несколько приказаний, разбойники затолкали Чихрадзе в один из шалашей, связали ему ноги и руки. Сквозь дыру в проходе гардемарин видел, как начальник отряда отошёл в сторону и снова достал из конверта русские карты. Это удивило офицера. Неужели люди, промышляющие грабежом, могут заинтересоваться морскими картами? Может, они рассчитывают извлечь из них какую-то выгоду? Тогда у него есть шанс выжить.

Словно в подтверждение этой мысли, со стороны дороги раздались новые выстрелы. Чихрадзе встрепенулся, подумав, что в засаду угодили новые горемыки, но вскоре понял, что это не так. Спустя какое-то время послышался хруст веток, и в лагерь пришли те люди, которые оставались у дилижанса. Они были веселы, с оживлением пересчитывали доллары, найденные у Штейна. Остальные разбойники встретили их радостными возгласами, поднялся галдёж, который успокоил только грозный окрик командира.

Чихрадзе вдруг понял, что означали эти выстрелы: бандиты избавлялись от свидетелей. Они убили всех, кроме него. Почему? Вывод напрашивался сам собой – его спасли те самые карты, которые с таким любопытством разглядывал командир отряда. Но раз так, значит, это не простые разбойники? Неужели ему довелось встретиться с партизанами Конфедерации?

Разрешения этой загадки Чихрадзе пришлось ждать целых три дня. Именно столько занял путь до какого-то передвижного военного лагеря в невадской пустыне, куда его, посадив

на коня и связав руки за спиной, отвезли десять разбойников во главе с командиром. Гардемарин не понимал, куда он попал, но имел все основания подозревать, что захватившие его люди были мятежниками. Это его несколько утешило – во всяком случае, забрезжила надежда, что его не расстреляют среди прочих. За время путешествия он изрядно зарос и покрылся коростой грязи. В лагере его обрили и накормили. В качестве жилья отвели крытую повозку, круглосуточно охраняемую несколькими солдатами. Впрочем, караул был скорее для проформы. Бежать всё равно было некуда, кругом расстилалась безводная каменистая пустыня, изрезанная скалами и солончаками. Солнце поджаривало путников с пяти утра до двенадцати вечера, а ночью было так душно, что Чихрадзе спал, не закрывая рта. Даже ему, теплолюбивому жителю Кавказа, было не по себе среди всех этих колючек и мёртвой растрескавшейся земли. Южанам, как видно, тоже было здесь невмоготу, потому что дня через три после того, как гардемарина доставили в лагерь, его обитатели пришли в движение, выстроили повозки двойной шеренгой и отправились в путь. Вечером, когда партизаны расположились на привал, Чихрадзе повели на допрос к их начальнику.

Глава третья

Нежданные встречи

В помещении было темно и пыльно. Сквозь заколоченные окна утром просачивался свет, но уже с полудня всё погружалось в полумрак. Как видно, комната выходила на восток. Костенко сидел на старом провалившемся диване и потирал шишку на затылке. Ударили его от души. Хорошо хоть, череп не раскроили. Кормили плохо, два раза приносили какую-то баланду с чёрствым хлебом и давали стакан воды. Это было всё, что он ел за последние сутки. Во всяком случае, ему так казалось. Он не знал, сколько пролежал без сознания, но голодное урчание в животе подсказывало, что срок прошёл немалый. Он пытался прислушиваться к звукам с улицы, однако там стояла такая тишина, что можно было подумать, будто он на кладбище. Возможно, так оно и было.

Он не видел своих похитителей. Когда ему приносили еду, Костенко должен был стоять лицом к стене и не оборачиваться. На все его вопросы похитители молчали. Скоро Семён Родионович совсем извёлся от тоски и неизвестности.

Наконец, к нему пришли для разговора. Это произошло где-то на третий день его заключения, по очень примерным выкладкам Костенко, который не мог видеть восходов и закатов, а потому опирался на свои внутренние часы. Лиц он опять не увидел. Ему велели отвернуться к стене, завязали глаза, затем посадили на кровать. Он услышал, как в комнату вошло несколько человек. Повисла тишина, вошедшие молча разглядывали его. Затем кто-то произнёс:

– Вы – чиновник по особым поручениям министерства иностранных дел России.

Это был не вопрос. Говоривший просто констатировал факт. Костенко не счёл нужным подтверждать его слова. Вместо этого он спросил:

– Кто вы?

– Это не важно, – последовал ответ. – Важно то, что сейчас вы находитесь в наших руках. От нас зависит, будете вы жить или умрёте.

Поставленный перед этим выбором, Семён Родионович решил промолчать.

– Вы прибыли на русской эскадре, – продолжал тот же голос.

«Что за странный акцент?» – подумалось Костенко. Американцы не говорят так. У них более мягкое «р», а звуки словно размазываются по слову. Здесь же всё было наоборот, как будто голос принадлежал иностранцу. Или же выходцу из какой-то американской глубинки, где были свои правила произношения.

– Нам известно, что вы имеете задачей борьбу с польским капёрством. Вы обращались по этому поводу к госсекретарю и руководству местного отделения Демократической партии. Мы также знаем, что вы намерены действовать на морских коммуникациях в случае войны с Великобританией или Францией.

«Интересно, кто нас продал? – подумал Костенко. – Неужели Стекло?».

Голос выдержал паузу.

– Вы подтверждаете мои слова?

– Кто вы такие? – опять спросил Костенко и тут же получил мощный удар поддых. У него перехватило дыхание, в груди разлилась сильная боль, а в глазах запрыгали искры.

– Отвечайте, пожалуйста, на мои вопросы, – вежливо попросил голос.

– Вы правы, я – русский чиновник, – с трудом выговорил Костенко, глотая ртом воздух. – Что вам от меня надо?

– Нам нужны те данные, которыми на сегодняшний день располагает ваш капитан, а также планы его действий. Желательно, с картами. Нам также нужна информация относи-

тельно намерений вашего внешнеполитического ведомства и полная картина расстановки сил во властных структурах России.

– У нас нет никаких властных структур. У нас есть государь.

Послышался снисходительный смешок.

– Даже в такой отсталой стране как Россия монарх не один управляет страной. У него есть министры. Они оказывают на него влияние – кто больше, кто меньше. Нам бы хотелось поподробнее узнать об этом.

– Тут я вам не помощник. Найдите кого-нибудь поважнее.

– Тогда расскажите нам о планах адмирала Лесовского, – помедлив, сказал голос.

«Чёрт побери, ну что же это за акцент?» – опять подумал Костенко.

– Я не вхож в капитанскую рубку, – ответил он, и немедленно получил новый удар. На этот раз – в левый бок.

– Семён Родионович, не морочьте нам голову, – мягко посоветовали ему. – Так будет лучше и для вас, и для нас. Ведь вам вручили какие-то инструкции в Петербурге, верно? И вы общались по этому поводу с господином Лесовским. И ездили в Вашингтон к вашему послу. Видите, нам многое известно. Так что не заставляйте нас прибегать к насилию. Поверьте, нам бы этого очень не хотелось.

Отпираться было бесполезно.

– Да, я говорил с Лесовским по поводу польских капёров, – прохрипел Костенко, мучаясь болью в брюшине. – И ездил к барону Стекло. Это он вас навёл на меня?

Теперь удар пришёлся в челюсть. У Костенко хрустнула левая скула, он повалился на диван и застонал.

– Семён Родионович, прошу вас, – ласково обратился к нему голос. – Вопросы здесь задаём мы. А вы на них отвечайте. Без дерзостей, пожалуйста.

Костенко промолчал. Он медленно сел и подвигал челюстью. Вся левая часть лица горела как в огне, рот стремительно наполнялся кровью.

– Ладно, – проговорил он. – Слушайте. Я не знаю, что планирует наш Генштаб и военное министерство. Если вы для этого похитили меня, то лучше сразу убейте. Мне неизвестны их планы. Я лишь знаю, что после стоянки в Нью-Йорке Лесовский намерен оперировать в Карибском море против баз пиратов, ежели таковые обнаружатся. Что касается английских и французских кораблей, то эскадре велено избегать столкновений с ними, покуда между державами сохраняется мир.

– Какую информацию собрал адмирал, пересекая Атлантику?

– Никакой. Мы так спешили в Нью-Йорк, что не имели времени на сбор информации.

Ему показалось, что похитители оживились.

– Недавно в Сан-Франциско прибыла ещё одна русская эскадра, – сказал голос. – Вы поддерживаете с ней связь?

– Нет, – ответил Костенко, и он не лукавил. В самом деле, после сообщения об отправке двух офицеров никаких новых депеш от Попова не поступало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.